На правах рукописи

Ивкина Наталья Викторовна

Внешняя политика Германии в Африке южнее Сахары в конце XX в. – начале XXI в.

Специальность 5.6.7. История международных отношений и внешней политики

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук

Москва, 2026

Работа выполнена на кафедре теории и истории международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Научный консультант: **ШАБАГА Андрей Владимирович**
доктор философский наук, профессор

Официальные оппоненты: **Балезин Александр Степанович**
доктор исторических наук
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт всеобщей истории Российской академии наук», главный научный сотрудник Отдела региональных исследований (Центр африканских исследований)

Жерлицына Наталья Александровна
доктор исторических наук
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт Африки Российской академии наук», заместитель директора по науке, главный научный сотрудник Центра истории и культурной антропологии

Медушевский Николай Андреевич
доктор политических наук, доцент
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет», профессор кафедры современного Востока и Африки отделения современного востоковедения и африканистики факультета востоковедения и социально-коммуникативных наук

Хахалкина Елена Владимировна
доктор исторических наук, профессор
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательских Томский государственный университет», профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений факультета исторических и политических наук

Защита состоится « »_____ 2027 г. в _____часов на заседании диссертационного совета ПДС 1000.009 при ФГАО ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» по адресу 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2, ауд. 415.

С диссертацией можно ознакомиться в Учебно-научном информационном библиотечном центре (Научной библиотеке) Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы по адресу 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

Автореферат разослан «____» _____ 2026 г.

Ученый секретарь диссертационного совета ПДС 1000.009
кандидат исторических наук, доцент *Т.И. Понька*

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность проблемы исследования.

В XXI веке наблюдаются значительные изменения в системе международных отношений, что делает тему данного исследования особенно актуальной. Эти перемены выражаются в нарастающей конкуренции великих держав и стремлении занять свою нишу в странах Африки южнее Сахары. Данная ситуация обусловлена сочетанием значительных ресурсно-сырьевых и демографических возможностей региона, но также активным участием различных внешних акторов.

Помимо традиционных игроков, таких как бывшие европейские метрополии, на африканском континенте позиции укрепляют новые государственные субъекты, включая Китай, Турцию и Россию. Их присутствие также усиливается за счет деятельности негосударственных структур, таких как транснациональные корпорации (ТНК), неправительственные организации (НКО) и аналитические центры.

Влияние этих внешних акторов, реализуемое посредством «мягкой силы», а также через миротворческие операции и программы содействия международному развитию (СМР) и имеет двойственный характер, оказывая неоднозначное влияние на политические системы африканских стран, нередко приводя к дестабилизации сложившегося регионального баланса сил.

В связи с этим особый интерес представляет политика Федеративной Республики Германия (далее – Германия). Эта страна в разные исторические периоды претендовала на то, чтобы играть существенную роль в регионе Африки южнее Сахары. В эпоху борьбы за колонии Германия хоть и с некой задержкой, но включилась в нее и смогла получить ряд стратегически важных территорий, принесших ей статус европейской метрополии. В Первой мировой войне и во Второй мировой войне африканский театр военный действий стал важным форпостом борьбы немецкого государства за великодержавность.

Актуальность диссертационной работы также определяется новым подходом объединенной Германии к своему военно-политическому положению на мировой арене. Стратегия национальной безопасности, принятая в 2023 г., уделяет значительное внимание конфликтам в африканских странах, наряду с Руководящими принципами для Африки 2014 и 2019 гг., что свидетельствует о стремлении Берлина участвовать в военной и политической борьбе за сферы влияния. В этой связи регион Африки южнее Сахары является ключевым для расширения сферы влияния и укрепления Германией своих военно-политических позиций. Однако, подобно бывшим европейским метрополиям, действия Германии не всегда приносят пользу странам этого региона. Негативные последствия часто возникают по причине стремления немецкого правительства отдавать приоритет своим национальным интересам, которые зачастую идут вразрез с интересами африканских государств. Современные инициативы демонстрируют тенденцию к воссозданию моделей зависимости, которые прослеживались еще в колониальную и неоколониальную эпохи.

Дополнительным фактором актуальности выступает кризис традиционного европейского влияния в регионе, в частности, эрозия французского

доминирования в зоне Сахеля. Так, протестные настроения против империалистской политики Франции в странах Африки южнее Сахары привели к тому, что с 2022 г. по 2024 г. французским войскам пришлось поступательно покинуть Мали, Буркина-Фасо и Нигер. Страны Сахеля выбрали иной путь политического и экономического развития, отказавшись от «Франсафрик» и G5 Sahel и склонившись в сторону тех проектов, которые не требовали отказа от суверенитета (пример – Альянс Государств Сахеля (АГС)). Германия на фоне этих событий и при безусловной поддержке со стороны Европейского союза (ЕС) активизировала свои усилия в Западной и Центральной Африке для того, чтобы эти регионы не были окончательно «потеряны» для европейского курса.

Важно отметить, что снижение влияния европейских государств в странах Африки к югу от Сахары также совпадает с появлением новых угроз, в преодоление которых Германия стремится внести свой вклад. Среди этих проблем выделяются: миграционный кризис, незаконный оборот наркотиков и торговля людьми. Особое значение в период с 2020 по 2023 г. приобрела пандемия COVID-19, ставшая причиной множества смертей как в развитых, так и в развивающихся странах. Однако, если первые смогли оперативно адаптировать свою социально-экономическую систему для противодействия вирусу, то вторым потребовалась поддержка извне для сохранения функционирования ключевых отраслей экономики.

Наконец, актуальность обусловлена возникновением новых форм сотрудничества Германии с государствами Африки южнее Сахары. Они охватывают области, которые ранее не привлекали значительного внимания и инвестиций со стороны государственных акторов. Речь идет не о фундаментальных потребностях африканских государств – обеспечение продовольственной безопасности, или доступа к водным ресурсам, – а скорее о процессах цифровизации, продвижении «зеленой экономики», распространения политики массовой вакцинации населения и других инициативах в регионе. Германское правительство полагает, что подобные действия позволят ему укрепить свои позиции и дать необходимое преимущество перед другими внерегиональными игроками, в частности Китаю и России. Именно эти страны Берлин рассматривает в качестве конкурентов в достижении экономического прогресса и обеспечении безопасности. Наличие как явных, так и скрытых форм конкуренции с Пекином и Москвой повышает значимость германской политики в отношении Африки, делая ее важным объектом для исследований.

Степень научной разработанности проблемы исследования. В диссертационном исследовании автор опирался на широкий пласт исследовательской литературы, начиная от научных статей в рецензируемых изданиях и заканчивая кандидатскими и докторскими диссертациями, структурированными по историко-хронологическому принципу для изучения трансформации колониальной политики Германии в соответствующий период, и по проблемно-хронологическому – для исследования современности. Отдельно автор выделяет исследования, посвященные германо-африканским отношениям. Литература, на которую опирается в диссертационном исследовании автор, представлена на русском, английском, немецком и французском языках. Данный перечень позволил глубже погрузиться в тематику диссертации, а также провести сравнительный анализ работ отдельных исследователей.

Первая группа охватывает исследования о периоде немецкого колониализма в Африке южнее Сахары. Особую ценность в данном контексте представляют исторические очерки на немецком и английском языках, написанные в том числе по воспоминаниям людей, непосредственно принимавших участие в миссионерской деятельности. К таким работам относятся труды С. Конрада[1], Х. Грюндера[2], Дж. Копонена[3], Х. Штеккера[4]. Отдельное внимание стоит уделить работам Й. Циммера[5], который является одним из признанных экспертов в области колониальной политики Германии. Свои работы автор связал общей идеей колониальной преемственности, которая определялась «рациональным набором» управленческих решений, включающих принудительный труд, политику геноцида, разжигание этноконфессиональных и политических конфликтов и проч. Также Циммер стал первым исследователем, который провел параллель между немецкой колониальной политикой и Второй мировой войной, отметив, что немецкая экспансия может быть описана по формуле «От Африки до России» (нем. *Von Afrika nach Russland*). Под этим подразумевается идеологический перенос и неизменность жестокости Германии в отношении тех, кого она хотела завоевать.

Также в первую группу стоит отнести исследования по геноциду народов гереро и нама в колониальный период. В работах немецких, российских и американских исследователей можно найти историко-правовой анализ политических событий, а также их оценку. Хронология построения историографии этого направления крайне репрезентативна: от идеолого-экономических трактатов колониального деятеля П. Рорбаха[6] (1907–1912 гг.), через интерпретации немецкоязычной и англоязычной публицистики Е. Левина[7]

---

[1] Conrad S. German colonialism. Short History. Cambridge University Press. 2008; Conrad S. Deutsche Kolonialgeschichte. München, 2008; Dirk van Laak. Über alles in der Welt. Deutscher Imperialismus im 19. und 20. Jahrhundert, München 2005.

[2] Gründer H. Geschichte der deutschen Kolonien. Paderborn. 2012. S. 238-240.; Gründer H. Neger, Kanaken und Chinesen zu nützlichen Menschen erziehen. Ideologie und Praxis des deutschen Kolonialismus. Stuttgart. 1999. S. 256; Gründer M. 1904: Der Herero-Aufstand – der deutsche Sündenfall // Historeo. 2014. URL: https://www.historeo.de/datum/1904-herero-aufstand. (дата обращения: 10.07.2020).

[3] Koponen J. Development for Exploitation: German Colonial Policies in Mainland Tanzania, 1884-1914. Helsinki/Hamburg: LIT Verlag. 1995. 741 p.

[4] Stoecker H. Kamerun unter deutscher Kolonialherrschaft. Studien. Bd. 2. Berlin 1968. P. 32.; Stoeker H. The Conquest of Colonies: The establishment and Extension of German colonial rule in German Imperialism in Africa: from the beginnings until the Second World War. London. C. Hurst & Company. 1986. P. 79.

[5] Zimmer J. Deutsche Kolonial geschichte. Von Afrika nach Russland. Springer. 2021. URL: https://www.spiegel.de/geschichte/deutsche-kolonialgeschichte-von-afrika-nach-russland-a-c220b9f9-a20c-44c3-8f8b-4503be658da6 (дата обращения: 22.09.2025); Zimmerer J. Deutsche Herrschaft über Afrikaner, P. 77-83.

[6] Rohrbach P. Der deutsche Gedanke in der Welt. Düsseldorf. 1912. 250 S.; Rohrbach P. Deutsche Kolonialwirtschaft. Südwestafrika. Berlin-Schöneberg: Forgotten Books, 1907.

[7] Lewin E. The German People and Their Lost Colonies. The Atlantic. 1925 //The Atlantic. 2025. URL: https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1925/08/the-german-people-and-their-lost-colonies/648567/ (дата обращения: 22.09.2025).

и Х. Николсона[8] (1920-е–1930-е гг.), к современным исследованиям Х. Маруфа[9] о движении гереро и нама за правосудие. Особняком в ряду исследований о геноциде африканских народов стоят работы Дж. Саркина[10]. Помимо общего представления о феномене геноцида, книги Саркина фокусируются на социально-правовом контексте колониальных преступлений и вписывают данный кейс в более широкий пул споров о репарациях за более поздние преступления, в том числе Холокост.

Российские исследователи также не оставили тему немецкого колониализма без внимания. Особое значение имеют работы А.С. Балезина[11], С.В. Буталия[12], И.О. Галкиной[13], В. Александрова[14], С.А. Филина[15]. В них подчеркивается жестокость колониализма и негативное влияние на все сферы жизни африканского общества. Существует также отдельная монография, опубликованная по итогам защиты докторской диссертации А.С. Балезина, по истории немецкой диаспоры в Намибии[16]. Это одна из ключевых работ в российской африканистике, посвященная социальным и антропологическим аспектам колониализма. В ней раскрыта не столько государственная политика Германии, сколько поселенческая община.

Ко *второй группе* следует отнести работы по африканской политике Германии в межвоенный период и в период Первой и Второй мировых войн. История кампаний по возвращению колоний описывается в работах Ф. Моберли[17], С. Хейя[18], Дж. Кигана[19], Б. Фарвелла[20], Р. Андерсона[21], а по

---

[8] Nicolson H. Germany and the Colonies. Fortnightly Review. 1937.

[9] Marouf A.H.Jr. Lawfare and the Ovaherero and Nama Pursuit of Restorative Justice. 1918-2018. University Press Copublishing Division. Maryland: Fairleigh Dickinson University Press, 2019.

[10] Sarkin J. Colonial Genocide and Reparations Claims in the 21st Century. The Socio-Legal Context of Claims under International Law by the Herero against Germany for Genocide in Namibia 1904–1908. Westport, CT: Praeger. 2008; Sarkin J. Germany's Genocide of the Herero. Kaiser Wilhelm II, His General, His Settlers, His Soldiers. Cape Town: UCT Press. 2011.

[11] Балезин А.С. Формирование и эволюция немецкой поселенческой общины в Юго-Западной Африке/Намибии 1814-1990. Автореф. на соискание ученой степени доктора исторических наук. Специальность 07.00.03 Всеобщая история.

[12] Буталий С.В. Германия и Юго-Западная Африка: межцивилизационный контакт и его результаты (1870-е гг.-1915 г.). Автореферат диссертации на соискания уч. степени к.и.н. Специальность 07.00.03. Всеобщая история (новая и новейшая история). Краснодар. 2010.

[13] Галкина И.О. Британская пресса о германских колониальных захватах в Африке в 1880-х годах // Вестник Рязанского государственного университета им С.А. Есенина. 2014. № 3 (44). С. 51–60.

[14] Александров В. Юго-западная Африка // Колониальные проблемы. Сборник второй. М., 1934. С. 212–227.

[15] Филин С.А. Германская колониальная империя на рубеже XIX-XX в.: региональные и локальные аспекты. Дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2. Всеобщая история. 210 с.

[16] Балезин А. С. Цивилизаторы в стране дикарей? Формирование и эволюция немецкой поселенческой общины в Юго-Западной Африке/Намибии 1814–1990 гг. М., 1996.

[17] Moberly F. Official History of the War: Military Operations Togoland and the Cameroons 1914-1916. London. 1931.

[18] Hey S. The First World War in Africa. Oxford: University Press. 2004.

[19] Keegan J. The First World War. New York: Alfred A. Knopf. 1999.

[20] Farwell B. The Great War in Africa. New York: W.W Norton & Company. 1989.

[21] Anderson R. The Forgotten Front. The East African Campaign 1914-1918.

преодолению последствий Версальского договора интерес представляет работа И.А. Кукушкиной[22]. Все исследователи сходятся на том, что данным историческим страницам немецкой внешней политики уделяется мало внимания.

В. Петтер[23] и В. Шмокель[24] занимаются исследованиями колониального ревизионизма и чаяниями немецкой политической элиты о возрождении империи. При этом вопросы, связанные с колониальными территориями, вписаны в мировой исторический процесс в качестве периферийных. В основном речь идет об экономических выгодах для Германии, за которые она и боролась. При этом каждый из представленных авторов рассматривает бывшие африканские колонии Германии как предмет, а не объект исследования, что объясняется западноцентричностью европейских и американских взглядов.

Противоположной точки зрения придерживаются российские исследователи, которые на первый план выдвигают проблемы Африки южнее Сахары, параллельно рассматривая усилия Германии по борьбе за бывшие колонии. Так, В.И. Головушкин[25], А.К. Керимов и Д.В. Щукин[26], В.И. Гусаров[27], Е.А. Макарова[28] сходятся на том, что африканский регион был самостоятельным «театром военных действий». Несмотря на то, что работы помещают африканские кампании в общую логику мировых войн, регион в целом считается важным плацдармом для борьбы великих держав. Особого внимания здесь заслуживает работа А.С. Балезина[29] по фашизму в Юго-Западной Африке, в которой рассматривается не только государственная политика, но и деятельность отдельных нацистских организаций, которые действовали через немецкие диаспоры в африканских странах, прежде всего в Намибии.

Особого внимания заслуживают работы Н.А. Медушевского[30], изучающего в том числе политическое развитие африканских сообществ. Его работы помогли автору раскрыть причинно-следственные связи внутриполитического разобщения отдельных африканских народов.

---

[22] Кукушкина И. А. Версаль и Германия: формирование предпосылок Второй мировой войны (постановка проблемы) // Европейские сравнительно-исторические исследования / отв. ред. Ар. А. Улунян, Е.Ю. Сергеев. М., 2017. Вып. 5. Парижская мирная конференция, 1919–1920: взгляд из XXI в. С. 145–154.

[23] Petter W. Der Kampf um die deutschen Kolonien. Weyarn. 1997.

[24] Schmokel W. Der Traum vom Reich. Der deutsche Kolonialismus von 1919 bis 1945. Sigbert Mohn. Gütersloh. 1967.

[25] Головушкин В.И. Вторая мировая война. Битва за Африку. Взгляд из России. М., 2004.

[26] Керимов К.А., Щукин Д.В. Колониальная политика Второго Рейха в объективе британской прессы конца XIX века // Аллея Науки. Том 1, № 6(81). 2023.

[27] Гусаров В.И. Вторая мировая война: возникновение африканского театра военных действий (истоки и последствия) // Ежегодник. Африка: новая стратегическая реальность. 2020. М. РУДН. С. 34. DOI: 10.22363/10282-2020-34-49.

[28] Макарова Е. А. Политика Южно-Африканского Союза в вопросе колониальных компенсаций Германии в 1935–1938 гг. // Вестник Новгородского государственного университета. 2009. № 51. С. 18–21.

[29] Балезин А. С. Фашизм в Юго-Западной Африке // Берегиня. 777. Сова. 2016. № 4 (31). С. 367–375.

[30] Медушевский Н.А. Идентичность и социально-политическое самоопределение народности эве в Гане и Того // Вестник РУДН. Серия Политология. 2024. № 6, Медушевский Н.А. Германский Тоголенд: миссионерская деятельность и завершение германской колонизации Того. Клио. №6. 2025.

Третья группа исследований посвящена работам по периоду холодной войны и внешнеполитическим курсам Германской Демократической Республики (далее – ГДР) и Федеративной Республики Германия (далее – ФРГ). Ввиду поставленной задачи автор диссертационного исследования прибегнул к сравнительному анализу внешнеполитических курсов упомянутых стран. В этом существенную помощь оказали работы Х. Энда[31], Р. Морси[32], Х.-Й. Ремера[33]. Центральной темой их работ выступает международное измерение внутригерманского конфликта и взаимосвязь внешней и внутренней политики в том числе в контексте отношений со странами Африки южнее Сахары. Внимание авторов приковано в основном к политике ФРГ ввиду того, что именно она рассматривается как «самостоятельная» из-за легитимации государственности и международного статуса, а усилия ГДР трактуются как попытки дипломатического признания и «выхода из тени».

В отличие от предыдущих авторов видный британский эксперт по внешней политике ГДР Дж. М. Винроу[34] выражает иную точку зрения. Во всех своих работах он придерживается единой линии о том, что африканский вектор внешней политики ГДР послужил инструментом для международного признания страны, как самостоятельного игрока на мировой политической арене. Он также опровергал доводы тех, кто пытался доказать, что политика ГДР в Африке шла исключительно в фарватере советского внешнеполитического курса и не преследовала собственные интересы.

И. Шляйхер[35] и С-Дж. Шляйхер[36] отмечают, что внешнеполитическая доктрина ГДР отличалась проявлением солидарности с народами, борющимися за независимость в странах Африки южнее Сахары. Такая ценностная поддержка антиколониальных движений сочеталась с необходимостью признания политики ГДР как самостоятельной, не зависящей в своем абсолюте от советской.

Стоит подчеркнуть, что в российской исторической науке существует ограниченное количество исследований, посвященных отдельному анализу внешней политики ГДР и ФРГ в странах Африки южнее Сахары. Однако среди

---

[31] End H. Zweimal deutsche Aussenpolitik – Internationale Dimension des innerdeutschen Konflikts 1949-1972. Cologne: Verlag Wissenschaft und Politik. 1973.

[32] Morsey R. Die Deutschlandpolitik Adenauers: Alte Thesen und neue Fakten. VS Verlag für Sozialwissenschaften. 1991.

[33] Rehmer H. E. H-J. The foreign policy of the German Democratic Republic // Pakistan Horizon, Fourth Quarter 1985, Vol. 38, No. 4 (Fourth Quarter 1985). P. 19-27.

[34] Winrow G. M. The GDR in Africa: A Gradual Disengagement? // Africa Spectrum. Vol. 24, No. 3 (1989), pp. 303-314.; Winrow G.M. East Germany in Sub-Saharan Africa: A Reassessment // The World Today. Vol. 44, No. 12. pp. 205-208.; Winrow G.M. The foreign policy of GDR in Africa. Cambridge University Press. New York. 1990.

[35] Schleicher I. Zwischen Herzenswunsch und politischem Kalkül. DDR-Solidarität mit dem Befreiungskampf im südlichen Afrika. Annäherung an ein Erbe. 1998. Berlin: Gesellschaftswissenschaftliches Forum.

[36] Schleicher S-G. Die Afrikapolitik der DDR: Versuch einer Nachbetrachtung. Afrika Jahrbuch 1990. Politik, Wirtschaft und Gesellschaft in Afrika südlich der Sahara. Institut für Afrika-Kunde. 1991.

по-прежнему актуальных работ можно выделить исследование И.Л. Лилеева[37] по восточногерманской политике в африканском регионе.

Четвертая группа состоит из исследований, посвященных политическим взаимоотношениям Германии с государствами Африки южнее Сахары. Она включает исследования, в которых проводится анализ конкретных этапов истории Германии. Труды Л. Чао[38], К.В. Миллса[39], К. Хакке[40] объединяет бихевиоралистский подход, поскольку анализируют внешнюю политику Германии через доктрину непосредственно немецких канцлеров, демонстрируя тем самым, как руководство определяет приоритеты в отношениях с африканскими странами. При этом каждый из авторов акцентирует внимание на определенном аспекте этих отношений. Так, например, К. Хакке считает, что интерес Германии к Африке продиктован ее значимостью для Европейского Союза и НАТО. К.В. Миллс предлагает более широкую перспективу, связывая политический курс Германии с личными инициативами А. Меркель. Л. Чао же фокусируется на трансформации от экономических инвестиций к вопросам безопасности. Российские ученые также уделяют внимание внешней политике А. Меркель в африканском регионе. Так, А.К. Галимзянова[41] рассматривает эту политику в контексте германо-китайских отношений.

В эту же историографическую группу стоит включить и работы по анализу стратегии Германии в Африке южнее Сахары: по Африканскому Рогу[42], Гвинейскому заливу[43] и Сахелю[44]. Отдельных крупных работ по немецким инициативам в этих регионах нет, поэтому диссертант опирался на те исследования, которые описывают европейскую политику в регионах в целом и выявлял роль Германии в этих инициативах.

Помимо анализа взаимодействия Германии со странами Африки южнее Сахары рассматриваются также проблемы сотрудничества с международными региональными организациями. Это имеет важное значение для полноты исследования ввиду того, что Германия, как и другие европейские страны, активно продвигает европейскую модель институционального развития африканским объединениям. В данном случае для понимания механизмов такой

---

[37] Лилеев И.Л. Германия и Африка: до и после падения стены. Институт Африки РАН. М. 2011 г.

[38] Chao L. What's New in Germany's Cooperation with Africa? What's New in Germany's Cooperation with Africa? 2019.

[39] Mills C.W. Modern world leaders Angela Merkel. Chelsea House Publishers. 2008.

[40] Chake C. Die Außenpolitik der Regierung Schröder/Fischer: Zwischenbilanz und Perspektiven // Bundeszentrale für politische Bildung. 2002. URL: https://www.bpb.de/shop/zeitschriften/apuz/26588/die-aussenpolitik-der-regierung-schroeder-fischer-zwischenbilanz-und-perspektiven/ (дата обращения: 29.03.2025).

[41] Галимзянова А.К. Африканская политика Ангелы Меркель в контексте китайско-германских отношений // Восточный Альманах. Выпуск 4. 2020. С. 18-29.

[42] Kurtz G. Horn von Afrika: Zeit für präventive Diplomatie // SWP. 2025. URL: https://www.swp-berlin.org/publikation/horn-von-afrika-zeit-fuer-praeventive-diplomatie (дата обращения: 21.05.2025)., Bach J-N. Routlege Handbook of the Horn of Africa. Routlege. 2022. London.

[43]Berube C., Cullen P. Maritime Private Security: Market Responses to Piracy, Terrorism and Waterborne Security Risks in the 21-st Century. New York. Routledge. 2012.

[44] Meyer A. Regional Integration and Security in Central Africa – Assessment and Perspectives 10 years after the revival. EGMONT Royal Institute for international relations. 2008.

политики автором диссертации были изучены исследования Т-О. Бена[45], О. Бабаринде[46], К. Х. Гетца[47], В. Бахмана и Дж. Д. Сидвейя[48]. Некоторые из них, такие, как Бахман и Сидвей, рассматривают возможность интеграционного переноса через простую форму «подражания» институтам ЕС, в частности внутренним механизмам принятия решений. Другие же, например Гетц и Бен, полагают, что только в рамках тесного межинституционального взаимодействия возможно создать в Африке южнее Сахары что-то похожее на европейскую систему интеграции с той лишь разницей, что первые предлагают создать что-то новое с опосредованным участием европейских стран, при этом по структуре подобно ЕС. Вторые же предлагают создание общего механизма, но уже под непосредственным влиянием европейских стран. В этой связи среди работ российской историографии видное место занимают исследования С.В. Костелянца[49], П.П. Цыганкова[50], Г.М. Сидоровой[51].

Важное место в исследованиях по политике Германии в Африке южнее Сахары занимают работы по миротворческой деятельности страны. Заметную роль в раскрытии данной темы в диссертационном исследовании сыграли работы Дж. А. Купса[52], К. Браммера[53], К. Бюгера[54], Я. Спирса и П. Вайта[55], Т. Штайна[56]. Выбор такого круга работ обусловлен необходимостью многоуровневого анализа. Так, например, концептуальный уровень разрабатывал Бюгер, макро-

---

[45] Ben T-O. Strengthening African Union for African Integration: An African Scholars Perspective // African Research Review. 2014. Vol. 8. №2. P. 353-360.

[46] Babarinde O. The EU as a Model for the African Union: the Limits of Imitation // Jean Monnet/Robert Schuman Paper Series Vol. 7. №.2. 2007.

[47] Goetz K.H. Integration Policy in a Europeanized State: Germany and the Intergovernmental Conference // Journal of European Public Policy. 1996. № 3(1). P. 23–44. DOI: 10.1080/13501769608407016

[48] Bachmann, V., Sidaway, J. D. African regional integration and European involvement: external agents in the East African Community // South African Geographical Journal. 2010. №92(1). P. 1–6.

[49] Костелянец С.В. ИГАД: от борьбы с засухой к разрешению вооруженных конфликтов. Разрешение военно-политических конфликтов в Африке: роль региональных организаций. Под ред. Костелянец С.В., А.А. Ткаченко. М. Институт Африки РАН. 2017. С. 9-15.

[50] Цыганков П.А. Негосударственные участники мировой политики: взаимодействие с государствами и межправительственными организациями. М.: Мир и политика, 2013. С. 257–262.

[51] Сидорова Г.М. Экспорт безопасности России в Африку в эпоху геополитического перелома. Стратегические векторы транзита постсоветских государств и геополитические вызовы государствам-участникам СНГ: анализ и прогноз // Сборник материалов Международной научно-практической конференции. М, 2024. С. 112-118.

[52] Koops J. A. Germany and United Nations peacekeeping: the cautiously evolving contributor // International Peacekeeping. 2016. 23(5). P. 652–680. DOI:10.1080/13533312.2016.1235092.

[53] Brummer K. The Reluctant Peacekeeper: Governmental Politics and Germany's Participation in EUFOR RD Congo // Foreign Policy Analysis. Vol. 9. No. 1. 2013. P. 1-20.

[54] Bueger C. What is maritime security? // Marine Policy. 2015. №53. P. 159–164. DOI: https://doi.org/10.1016/j.marpol.2014.12.005

[55] Spears I.S., Wight P. Sudan and South Sudan: Accounting for Their Intractable Conflicts // African Conflict and Peacebuilding Review. Vol. 5, No. 2. 2015.

[56] Stein T. Germany's Constitution and participation in international peacekeeping operations // Asia-Pacific Review. Vol. 7. P. 33-40.

институциональный уровень – Купс, процессуальный – Браммер, нормативно-правовой – Штайн, конфликтно-локальный – Спирс и Вайт.

Пятая группа посвящена исследованиям по борьбе Германии с вызовами и угрозами, актуальными для стран Африки южнее Сахары, а также помощи в целях развития. Особняком по количеству исследований в данной области стоят работы по миграции и миграционному кризису.

Ввиду большого количества исследований разнообразной направленности представляется возможным разделить их на подгруппы. Так, для очерчивания проблемы регулирования миграции в самой Германии изучены работы С.А. Орана[57], Г.М. Сидоровой и Н.А. Жерлициной[58], Л.С. Биссона[59], а также ряд авторских материалов аналитического центра МакГанна, являются Немецкого института международных отношений и безопасности (нем. *Stiftung Wissenschaft und Politik*, SWP)[60].

Важное место в исследовании современных вызовов и угроз, которые Германия пытается решить в Африке южнее Сахары, занимают труды Хахалкиной Е.В. В своих работах она поднимает вопросы, связанные с европейским подходом к борьбе с проблемами миграции[61], COVID-19[62], изменения климата[63].

Для оценки уровня совпадения немецкой позиции с другими европейскими странами – работы И. Адама, Ф. Траунера, Ф. Йегена и К. Роуса[64]. Непосредственно по усилиям Германии по борьбе с миграционным кризисом в рамках социально-экономической помощи африканским странам писали С.

---

[57] Orhan S.A. The Social Democratic Party of Germany (SPD) and Immigration Policies: An Intra-Party Perspective // German Politics. Vol. 34. 2025. P. 99-127.

[58] Сидорова Г.М., Жерлицына Н.А. Миграционные процессы в Африке и проблема безопасности. Ко второму саммиту «Россия-Африка» // Вестник Российской Академии Наук. 2023. Т. 93. №2. С. 141-149.

[59] Биссон Л. С. Внешнее измерение миграционной политики ЕС: инструменты и выгоды // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. №5. С. 21–26; Биссон Л. С. Реализация концепции «цивильного гражданства» в миграционной политике ЕС // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2019. №12(6). С. 86–91.

[60] Angenedt S., Koch A., Meier A. Wie Deutschland und die EU die größte Flüchtingskrise der Nachkriegszeit bewältigten. Zugespitzte Situationen in der internationalen Politik. Foresight-Beiträge, 2015 // Brozus L. (Hg.) Unerwartet, überraschend, ungeplant. SWP. Berlin, 2015. S. 43–44.

[61] Хахалкина Е.В. Содействие развитию или управление миграцией? (анализ европейского подхода) // Мировая экономика и международные отношения. 2022. №2. С. 80-89.

[62] Хахалкина Е.В. Идентичность ЕС в условиях пандемии короновируса // Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. №78. С. 333-340.

[63] Хахалкина Е.В. Город в контексте изменения климата и пандемии ковид-19 (2020 – начало 2022 г.). // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. №67. С. 257-268.

[64] Adame I., Trauner F., Jegen F., Roos C. West African interests in (EU) migration policy. Balancing domestic priorities with external incentives // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2020. P. 3101-3118.

Стивенсон[65] и Т. Бауер, Б. Дитц, К.Ф. Циммерманн, Е. Звинц[66]. При этом важно отметить, что им не удалось прийти к единому мнению относительно того, достаточно ли прилагает усилий Германия в отношении стран Африки южнее Сахары, чтобы если не предотвратить нелегальную миграцию в Европу, то хотя бы поставить ее под контроль. Не менее важной для диссертационного исследования является подгруппа исследований, которые описывают методы, используемые Германией для снижения численности уже приехавших мигрантов через их депортацию, либо же добровольное возвращение людей на Родину. К особо значимым работам в этой области можно отнести исследования С. Рюля[67], Р. Брубэйкера[68], а также работы по мультикультурализму в Европе в целом.

Также нельзя обойти стороной работы по COVID-19, в которых описываются усилия Германии по борьбе с этой угрозой в Африке южнее Сахары. В случае с рассмотрением политической повестки, связанной с пандемией, также можно выделить тематические подгруппы исследований. Первая подгруппа охватывает работы, затрагивающие круг вопросов и проблем, связанных с массовым распространением пандемии COVID-19[69], вторая – анализ проблем вакцинного неравенства и локализации производства вакцины[70], третья – анализ последствий пандемии для отдельных стран и мира в целом[71]. Эти тематические фазы выдвигают на первый план темы, которые, на первый взгляд, не связаны напрямую с пандемией: производственные цепочки поставок, доступы к вакцинам, проблемы с доступом к продовольствию и воде и прочие.

Отдельную группу исследований стоит посвятить школе африканистики РУДН, которая на протяжении долгого времени формирует научное представление о процессах и явлениях, происходящих в Африке южнее Сахары.

---

[65] Stevenson S. A place to call home: Germany's housing crisis is hitting refugees hardest. Stanford Journalism // Peninsula Press. 2024. URL: https://peninsulapress.com/2024/09/27/a-place-to-call-home-germanys-housing-crisis-is-hitting-refugees-hardest/ (дата обращения: 05.08.2025).

[66] Bauer, T., Dietz B., Zimmermann K.F., Zwintz E. German migration: Development, assimilation, and labour market effects', in K.F. Zimmermann (ed.), European Migration. What do we know? 2005. Oxford: Oxford University Press.

[67] Rühl S. Germany. Statistics and Reality Book Subtitle: Concepts and Measurements of Migration in Europe. Amsterdam University Press. 2025.

[68] Brubaker R. The Return of Assimilation? Changing Perspectives on Immigration and Its Sequels in France, Germany, and the United States // Ethnic and Racial Studies. 2001. № 24/4. P. 531-548.

[69] Liu, J.H. Majority world successes and European and American failure to contain COVID-19: Cultural collectivism and global leadership // Asian Journal of Social Psychology, 24(1). P. 1–15, Martinez-Alvarez M, Jarde A, Usuf E, Brotherton H, Bittaye M, Samateh AL, Antonio M, Vives-Tomas J, D'Alessandro U, Roca A. COVID-19 pandemic in west Africa // Lancet Glob Health. 2020 № 8(5). P. 631-632; Oldekop, J.A., Horner, R., Hulme, D. COVID-19 and the case for global development. 2020. World Development. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC7305889/ (дата обращения: 06.07.2025).

[70] Makoni M. COVID-19 vaccine trials in Africa // Lancet Respir Med. 2020. № 8(11). P. 28-37.

[71] Wawire B., Barnes-Story A., Kiru E., Kim S. Primary school learning in sub-Saharan Africa duringCOVID-19: a scoping review of responses and recovery initiatives induced // Current Issues in Comparative Education. Volume 25. Issue1. 2023. P. 25-50., Yin H., Liu Z., Kammen D. The interaction between population age structure and policy interventions on the spread of COVID-19. Infect Dis. Model. 2025. 10(3). P. 758-774.

Так, профессор Ныгусие Микаэль Кассае[72] вносит вклад в изучение отдельных стран и регионов Африки южнее Сахары, Аду Яо Никез[73] изучает роль африканских стран в формировании и изменении нормативно-правовых основ функционирования международной системы, а Амухайа Клэр Аюма[74] специализируется на особенностях региональной интеграции в Восточной Африке.

Объект исследования – внешняя политика Германии в отношении Африки южнее Сахары в конце XX в. – начале XXI в.

Предмет исследования – политический, военный, культурно-гуманитарный аспекты внешней политики Германии в Африке южнее Сахары в конце XX в. – начале XXI в.

Цель исследования – выявление особенностей внешней политики Германии в Африке южнее Сахары в конце XX в. – начале XXI в.

Заявленная цель обусловила постановку следующих **задач**:

– обосновать современную внешнюю политику Германии в отношении африканских стран южнее Сахары посредством нового теоретического подхода – гибридного неоколониализма;

– доказать, что немецкая политика в Африке южнее Сахары в колониальный период носила экспансионистский характер и в дальнейшем оказала влияние на современный внешнеполитический курс страны;

– исследовать особенности немецкой борьбы за колонии в Африке южнее Сахары в Первую и Вторую мировые войны, а также в межвоенный период и соотнести их с современными внешнеполитическими устремлениями Германии;

– провести сравнительный анализ политики ГДР и ФРГ в Африке южнее Сахары и выявить внешнеполитическую линию, в наибольшей степени повлиявшую на формирование курса в конце XX в. – начале XXI в.;

– провести анализ усилий Германии по преодолению колониализма и оценить их влияние на немецкую идентичность;

– представить периодизацию и обобщение нормативно-правовой базы политического взаимодействия Германии со странами Африки южнее Сахары и с региональными международными организациями;

– проанализировать деятельность Германии в миротворческих миссиях ООН и ЕС и оценить их эффективность;

---

[72] Кассае Ныгусие В. Микаэль. Африканский рог: прошлое и настоящее // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. №3 (113); Кассае Ныгусие В. Микаэль, Бузыкина Ю.Н. Эфиопская православная церковь и ее роль в государстве до 1974 г. // Российский журнал истории Церкви. 2021. Т. 2. №3. С. 5-22; Иванов В. Г., Кассае Ныгусие В. Микаэль. Проблема внутренне перемещенных лиц в Эфиопии в контексте парламентских выборов 2020 года // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 4. С. 633-641.

[73] Аду Я.Н., Мезяев А. Б. Политические потрясения в ЭКОВАС: преобладание политики над правом // Ученые записки Института Африки РАН. 2024. №2 (67). С. 102-117; Аду Яо Никез. Ограничения в международных транспортных системах во время пандемии COVID-19 как инструменты политики сдерживания // Постсоветский материк. 2022. №2 (34). С. 4-11.

[74] Amuhaya C.A. The African peace and security architecture (APSA) organizational structure in context of implementation of peace and security in Eastern Africa // Vestnik of Saint Peterburg University. Asian and African Studies. 2024. Т. 16. №1. С. 264-282.

– систематизировать подходы Германии к региональным вызовам и угрозам для Африки южнее Сахары, в том числе миграционной проблеме и проблеме борьбы с наркотрафиком и торговлей людьми;

– проанализировать политический аспект помощи Германии африканским странам в ликвидации последствий пандемии COVID-19;

– исследовать специфическую для Германии политику «помощи в целях развития» и ее влияние на отношения Германии со странами Африки южнее Сахары, а также разработать систему оценки ее эффективности;

– проанализировать особенности немецко-африканских связей в области культуры, науки и образования;

– систематизировать наиболее важные исследования аналитических центров Германии и определить их влияние на процесс принятия внешнеполитических решений в отношении стран Африки южнее Сахары.

Хронологические рамки охватывают период с 1990 г. по 2025 г. Нижняя рамка обусловлена вхождением Германской Демократической Республики (ГДР) в состав Федеративной Республики Германия (ФРГ) и появлением на карте мира единого немецкого государства, способного проводить свою внешнюю политику в различных регионах мира. Именно с этого момента в рамках заявленной темы целесообразно изучать современный внешнеполитический вектор Германии в Африке южнее Сахары. Верхняя хронологическая рамка, 2025 г., обусловлена завершением очередного политико-стратегического цикла немецкого Бундестага. В 2025 г. прошли досрочные выборы в парламент, породившие в том числе изменения в африканском векторе внешней политики страны. Был принят новый документ – «Руководящие принципы африканской политики Федерального правительства»[75], который заложил основы для нового этапа внешнеполитического курса Германии в регионе. Цель и задачи исследования потребовали изучения исторических особенностей становления немецкой политики в Африке, в особенности колониального вопроса, поэтому автором допускается выход за установленные хронологические рамки.

Источниковая база исследования обусловлена необходимостью в обработке большого количества документов, речей первых лиц государств, а также статистических данных. Автор придерживался ряда критериев при источниковой выборке, а именно репрезентативностью, достоверностью, доступностью для анализа. Источники в диссертационном исследовании можно разделить на несколько групп, каждая из которых необходима для решения поставленных задач.

Первая группа источников включает в себя законодательные документы на русском, немецком и английском языках, являющиеся первичным источником права с обязательной юридической силой. В исследовании основной упор делается на международно-правовые документы, включающие международные договоры, в том числе Версальский договор[76], Соглашение о прочном мире путем постоянного прекращения боевых действий между Правительством

---

[75] Afrikapolitische Leitlinien der Bundesregierung. Die Bundesregierung. 2025. https://www.auswaertiges-amt.de/resource/blob/2693124/8e9088700f1746fce6404d2500a24300/afrikapolitische-leitlinien-data.pdf (дата обращения: 10.10.2025).

[76] Версальский договор. Издание Литиздата. НКИД. М., 1925.

Федеративной Республики Эфиопия и Народным фронтом освобождения Тыграя[77], Соглашения Котону[78], соглашения по участию Германии в миротворческих операциях ООН и ЕС[79]. В эту же группу стоит отнести двусторонние и многосторонние соглашения, которая заключает Германия со странами Африки южнее Сахары, а также с региональными организациями[80]. Важную роль в исследовании играют конвенции, такие как Единая Конвенция ООН о наркотических средствах[81], Конвенция о психотропных веществах 1971 г.[82], Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за него, принятая резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеей ООН от 9 декабря 1948

---

[77] Agreement for lasting peace through a permanent cessation of hostilities between the government of the Federal Democratic Republic of Ethiopia and the Tigray People's liberation front (TPLF). African Union // IGAD official website. 2022. https://igad.int/wp-content/uploads/2022/11/Download-the-signed-agreement-here.pdf (дата обращения: 06.09.2025).

[78] Cotonou Agreement // European Comission. 2021. URL: http://www.europarl.europa.eu/intcoop/acp/03_01/pdf/mn3012634_en.pdf (дата обращения: 25.11.2021).

[79] MINUSMA and EUTM MALI // Deutscher Bundestag. 2020 URL: https://www.bundestag.de/ausschuesse/ausschuesse18/a12/auslandseinsaetze/auslandseinsaetze/minusma_und_eutm_mali-253016 (дата обращения:16.08.2020).

[80] Agreement between Great Britain and Germany, respecting Zanzibar, Heligoland, and the Spheres of Influence of the two Countries in Africa (1890). URL: https://jusmundi.com/en/document/treaty/en-agreement-between-great-britain-and-germany-respecting-zanzibar-heligoland-and-the-spheres-of-influence-of-the-two-countries-in-africa-1890-anglo-german-agreement-of-1890-tuesday-1st-july-1890#:~:text=This%20treaty%20temporarily%20settled%20colonial,the%20North%20Sea%2C%20to%20Germany (дата обращения: 12.08.2023);Agreement between the Government of The Republic of Kenya and the Government of the Federal Republic of Germany on a comprehensive migration and mobility partnership // Parliament official website. 2025. URL: https://parliament.go.ke/sites/default/files/2025-03/AGREEMENT%20BETWEEN%20THE%20GOVERNMENT%20OF%20THE%20REPUBLIC%20OF%20KENYA%20AND%20THE%20GOVERNMENT%20OF%20THE%20FEDERAL%20REPUBLIC%20OF%20GERMANY%20ON%20A%20COMPREHENSIVE%20MIGRATION%20AND%20MOBILITY%20PARTNERSHIP%20(1)_0.pdf (дата обращения: 04.08.2025)., Germany and IGAD Sign Agreement. IGAD. 2025. URL: https://igad.int/germany-and-igad-sign-agreement/ (дата обращения: 19.06.2025), Treaty between the Federal Republic of Germany and the Republic of South Africa concerning the Reciprocal Encouragement and Protection of Investments. Electronic Database of Investment treaties. 1995. URL: https://edit.wti.org/document/show/5b5818a2-2f53-4822-a15a-8b6ff74a9a76 (дата обращения: 27.03.2025), Treaty between the Federal Republic of Germany and the Republic of Namibia concerning Encouragement and Reciprocal Protection of Investments. Electronic Database of Investment treaties. 1994. URL: https://edit.wti.org/document/show/68b4556b-55b3-42b3-9636-1dc2ec938f4e (дата обращения: 27.03.2025).

[81] Единая конвенция ООН о наркотических средствах 1961 г. с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 г. о поправках к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года // ООН. 2025. URL: https://www.unodc.org/pdf/convention_1961_ru.pdf (дата обращения: 12.08.2025).

[82] Конвенция о психотропных веществах 1971 г. // ООН. URL: https://www.incb.org/documents/Psychotropics/conventions/convention_1971_ru.pdf (дата обращения: 12.08.2025)

г.[83], Конвенция о статусе беженцев[84], Конвенция Совета Европы о противодействии торговле людьми[85]. Важную роль в процессе раскрытия задач исследования сыграли также декларации[86], меморандумы[87], резолюции СБ ООН[88], уставы, в том числе Устав ООН[89], а также нормативные документы Германии[90].

---

[83] Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за него, принятой резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеей ООН от 9 декабря 1948 г. // ООН. 2025. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 12.08.2026).

[84] Конвенция о статусе беженцев (Женева, 28 июля 1951 г.) // «Гарант». 2025. URL: https://base.garant.ru/2540374/ (дата обращения: 12.08.2026).

[85] Конвенция Совета Европы о противодействии торговле людьми. Варшава. 2005 // Совет Европы. URL： https://rm.coe.int/168047cd74 (дата обращения: 13.08.2025).

[86] Declaration on the Right to Development. New York, 4 December 1986 // Audiovisual Library Of International Law. 2025. URL: https://legal.un.org/avl/ha/drd/drd.html (дата обращения: 23.06.2025), Declaration regarding the defeat of Germany and the assumption of supreme authority with respect to Germany by the governments of the United States of America, the Union of Soviet Socialist Republics and the United Kingdom, and the Provisional government of the French Republic. Berlin. 1945 // ФГБУ «Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина. 2025 URL: https://www.prlib.ru/item/330552 (дата обращения: 12.08.2025), MINUSMA and EUTM MALI // Deutscher Bundestag. URL: https://www.bundestag.de/ausschuesse/ausschuesse18/a12/auslandseinsaetze/auslandseinsaetze/minusma_und_eutm_mali-253016 (дата обращения:16.08.2020),

[87] Memorandum on the Status of Natives in German Southwest Africa, April 12, 1911; National Archives of South Africa, National Archives Repository, Pretoria, GG 276 4/42; The Hugenberg Memorandum**.** Alfred Hugenberg. Reichsminister for Economics, Reichsminister for Food and Agriculture. London. 1933 URL:. https://arplan.org/2020/08/29/hugenberg-memorandum/(дата обращения: 20.09.2024),

[88] Resolution 1671 (2006) Adopted by the Security Council at its 5421st meeting, on 25 April 2006. URL: https://docs.un.org/en/S/RES/1671(2006) (дата обращения: 08.06.2025), Resolution 632 (1989) of 16 February 1989 // Official UN-portal. URL: https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/557/69/pdf/nr055769.pdf (дата обращения: 27.05.2025).

[89] Устав ООН. Организация Объединенных Наций // ООН. 2025. URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text (дата обращения: 23.06.2025).

[90] Конституция ГДР. 1968 г. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=787 (дата обращения: 12.08.2025); Основной закон Федеративной Республики Германии, 23 мая 1949 г. URL: https://www.1000dokumente.de/?c=dokument_de&dokument=0014_gru&object=translation&l=ru (дата обращения: 20.09.2024), 1955: Die Hallstein-Doktrin // Bundesarchiv Deutschland. 1957. URL: https://www.bundesarchiv.de/DE/Content/Virtuelle-Ausstellungen/1955-Die-Hallstein-Doktrin/1955-die-hallstein-doktrin.html(дата обращения: 23.06.2025), Aufarbeitung der deutschen Kolonialvergangenheit. Auswärtiges Amt. 2024. URL: https://www.auswaertiges-amt.de/de/aamt/geschichte-des-auswaertigen-amts/2660906-2660906 (дата обращения: 25.03.2025), Basic Law for the Federal Republic of Germany. 23 May 1949 Last amended on 28 March 2019. Bundestag. Art. 87a–87c. URL: https://www.btg-bestellservice.de/pdf/80201000.pdf (дата обращения: 13.08.2020), Der Nationale Integrationsplan Neue Wege – Neue Chancen // Die Bundesregierung. 2007. URL: https://www.bundesregierung.de/resource/blob/2065474/441038/acdb01cb90b28205d452c83d2fde84a2/2007-08-30-nationaler-integrationsplan-data.pdf (дата обращения: 05.08.2025), Infektionsschutzgesetz – IfSG. Robert Koch Institut. 2021. URL: https://www.rki.de/DE/Themen/Infektionskrankheiten/Meldewesen/IfSG/infektionsschutzgesetz-

Вторая группа источников включает в себя документы международных организаций: тех, в которые входит Германия и тех, с которыми она сотрудничает. Большое внимание уделено резолюциям ГА ООН, например, раскрывающим вклад немецкой стороны в миротворческие операции[91], а также иных структур ООН[92]. Также в данной группе особую актуальность представляют документы Всемирной организации здравоохранения с предписаниями по COVID-19[93], документы иных международных организаций, например, Организации экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР)[94], НАТО[95].

В контексте того, что Германия является одним из ведущих игроков ЕС, для раскрытия темы потребовался анализ нормативных документов данного интеграционного объединения[96]. Наиболее важными можно считать следующие: Глобальная стратегия ЕС по внешней политике и безопасности 2016 г.[97],

---

node.html (дата обращения: 08.07.2025); Weißbuch 2006 zur Sicherheitspolitik Deutschlands und zur Zukunft der Bundeswehr. 2006. URL: http://www.humanistische-union.de/fileadmin/hu_upload/doku/frieden/weissbuch2006/WB_2006.09.28.pdf (дата обращения: 15.09.2020).

[91] Поддержка политического процесса и содействие стабилизации в Мали // Операции ООН по поддержанию мира. Генеральная Ассамблея. URL: https://peacekeeping.un.org/ru/mission/minusma (дата обращения: 16.08.2020), Africa climate Week 2022. Output report // United Nations. 2025. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/ACW2022_OutputReport_10102022.pdf (дата обращения: 22.08.2025).

[92] Drug trafficking. UN Office on Drugs and Crime // United Nations. 2025. URL: https://www.unodc.org/unodc/en/drug-trafficking/index.html (дата обращения: 12.08.2025); Drug use in Nigeria // UNODC. 2018. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/statistics/Drugs/Drug_Use_Survey_Nigeria_2019_BOOK.pdf (дата обращения: 13.08.2025); Drug trafficking. UN Office on Drugs and Crime // United Nations. 2025. URL: https://www.unodc.org/unodc/en/drug-trafficking/index.html (дата обращения: 12.08.2025), The United Nations World Water Development Report 2023: partnerships and cooperation for water. 2023. https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000384655 (дата обращения: 16.09.2025).

[93] COVID-19 and sustainable development goals // World Health Organization official website. 2020. URL: https://www.who.int/bulletin/volumes/98/10/20-263533/en/ (дата обращения: 05.12.2021); Assessing impact of COVID-19 on the Sustainable Development Goals // UNDP. 2020. URL: https://sdgintegration.undp.org/sites/default/ files/Flagship_1.pdf (дата обращения: 27.11.2021),

[94] Development cooperation // OECD. 2025. URL: https://www.oecd.org/en/topics/development-co-operation.html (дата обращения: 23.06.2025).

[95] Final Report for NATO Fellowship, Due 30 June 1997 // NATO official website. 2025. URL: https://www.nato.int/acad/fellow/95-97/jackson.pdf (дата обращения: 29.05.2025).

[96] COVID-19 vaccines // European Medicine Agency official website. 2021. URL: https://www.ema.europa.eu/en/human-regulatory/overview/public-health-threats/coronavirusdisease-COVID-19/treatments-vaccines/COVID-19-vaccines (дата обращения: 01.12.2021), Crime prevention policy // EUCPN. 2018. URL: https://eucpn.org/sites/default/files/document/files/DE_3.pdf (дата обращения: 08.08.2025)

[97] A Global Strategy for the European Union’s Foreign and Security Policy. 2016. URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (дата обращения: 01.10. 2017),

Директивы Европейского Совета[98] и Европейского Парламента[99], регулирующие стандарты приема мигрантов и борьбы с наркотрафиком и торговлей людьми. Важное место в группе документов международных организаций занимают и нормативные акты африканских региональных организаций, таких как КОМЕСА[100], ЭКОЦАС[101], ИГАД[102] и других.

В данную группу также следует отнести ряд документов межрегиональных и межправительственных организаций, в том числе Африканская хартия прав человека и народов (Банжульская хартия)[103] и Протокол к Африканской хартии прав человека и народов о правах женщин в Африке[104], принятые Организацией африканского единства и Африканским Союзом соответственно, документы Пятой очередной сессии Специализированного технического комитета по здравоохранению, питанию, народонаселению и контролю над наркотиками Африканского Союза (АС)[105]. Таким образом, документы международных организаций помогли очертить свод правил, которые использует Германия для формирования внешнеполитического курса в Африке южнее Сахары.

Третья группа источников – делопроизводственные документы, показывающие правомерность принятия решений, подотчетность исполнителей и соблюдение требований международных стандартов. К ним относятся внутриведомственные, такие как материалы Министерства обороны Российской Федерации по Военному сотрудничеству ГДР с развивающимися странами

---

[98] Council Directive 2003/9/EC of 27 January 2003 laying down minimum standards for the reception of asylum seekers // Official Journal of the European Union. 2003. V. 46. L 31. P. 18-25.

[99] Directive (EU) 2024/1712 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 amending Directive 2011/36/EU on preventing and combating trafficking in human beings and protecting its victims // European Union. EUR-Lex. 2024. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2024/1712/oj/eng (дата обращения: 13.08.2025)

[100]COMESA Business Council (CBC) and the Federation of German Industries (BDI) Forge Partnership to Enhance COMESA Private Sector's Participation in the Implementation of the AfCFTA // COMESA Business Council official website. 2022. URL: https://comesabusinesscouncil.org/wp-content/uploads/2022/02/Press-Release-CBC-BDI-Formalise-Partnership-to-Enhance-COMESA-Private-Sectors-Participation-in-AFCFTAs-Implementation-ext.pdf (дата обращения: 17.06.2025).

[101] ECCAS – ECCAS GENERAL secretariat institutional support project // African development fund. 2011. URL: https://www.afdb.org/sites/default/files/documents/projects-and-operations/multinational-eccas_-_eccas_general_secretariat_institutional_support_project-pcr-06-07-2011_.pdf (дата обращения: 17.06.2025).

[102] IGAD regional strategy. Volume 2. Implementation Plan 2016 – 2020 // Official IGAD website. URL: IGAD-RS_implementationplan_final_v6.pdf (дата обращения: 19.06.2025).

[103] African Charter on Human and Peoples' Rights (Banjul Charter). OAU Doc. CAB/LEG/67/3 rev. 5, 21 I.L.M. 58 (1982). URL: https://www.oas.org/en/sla/dil/docs/African_Charter_Human_Peoples_Rights.pdf (дата обращения: 13.08.2025)

[104] Protocol to the African Charter on Human and Peoples' Rights on the Rights of Women in Africa // African Union. 2025. URL: https://au.int/sites/default/files/treaties/37077-treaty-charter_on_rights_of_women_in_africa.pdf (дата обращения: 13.08.2025).

[105] Fifth Ordinary Session of the Specialised Technical Committee on Health, Nutrition, Population and Drug Control (STC-HPNDC-5) // African Union. 2025. https://au.int/en/newsevents/20240805/fifth-ordinary-session-specialised-technical-committee-health-nutrition (дата обращения: 12.08.2025)

Ближнего Востока и Африки[106], документы отдельных политических партий Германии: Прогрессивная политика в отношении Африки[107], Министерства иностранных дел Германии[108], Федерального министерства экономического сотрудничества и развития[109]. Данная группа документов раскрывает зачастую скрытое соперничество между МИДом и Министерством экономического сотрудничества и развития за влияние на процесс принятия политических решений по Африке южнее Сахары. К данной группе также стоит отнести и межведомственные документы[110].

Четвертая группа источников определена публицистическими документами, отражающими, как правило, позицию первых лиц государства по международной проблематике и позициям Германии в Африке южнее Сахары. К ним относятся речи канцлеров, Отто фон Бисмарка[111], Герхарда Шредера[112],

---

[106] Военное сотрудничество ГДР с развивающимися странами Ближнего Востока и Африки. Министерство обороны Российской Федерации. 2015. URL: https://limited-history.ric.mil.ru/stati/item/118582/(дата обращения: 13.08.2025).

[107] A progressive policy towards Africa – African countries as global partners // SPD. 2025. URL: https://www.spdfraktion.de/system/files/documents/positionspapier-afrika-englisch.pdf (дата обращения: 18.08.2025).

[108] Das Zentrum für Internationale Friedenseinsätze (ZIF) // Auswärtiges Amt. 2025. URL: https://www.auswaertiges-amt.de/de/karriere/io/organisationen/friedensmissionen-node/friedensmissionenzif-node (дата обращения: 27.05.2025).

[109] Emergency COVID-19 Support Programme // BMZ Global. 2025. URL: https://globalcompactrefugees.org/sites/default/files/2020-06/BMZ_emergency_covid19_support_programme.pdf (дата обращения: 21.07.2025); Germany makes available 1.5 billion euros to help fight COVID-19 in developing countries // BMZ. 2021. URL: https://www.bmz.de/en/news/archive-press-releases/minister-mueller-zum-tag-gegen-kindersoldaten-59360 (дата обращения: 22.07.2025).

[110] African Archives (AA), AE 355. Summary of discussions between England and France, 08/1914; Cooperation with regional organisations. African Union. Federal Ministry for Economic Cooperation and Development. 2025. URL: https://www.bmz.de/en/countries/african-union (дата обращения: 12.06.2025); ESTDEV partners with GIZ to support data governance in Africa // ESTDEV. 2024. URL: https://estdev.ee/en/articles/estdev-partners-giz-support-data-governance-africa (дата обращения: 03.07.2025); EU and Germany partner with ECOWAS to fight organised crime in West Africa with a EUR 41 million-flagship program // European Union external action. 2020. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-and-germany-partner-ecowas-fight-organised-crime-west-africa-eur-41-million-flagship-program_en (дата обращения: 15.08.2025); EU Council President witnesses' inoculation of first Covax vaccine during Rwanda visit. URL: https://eeas.europa.eu/delegations/african-unionau/94564/eu-council-president-witnesses-inoculation-first-covax-vaccine-during-rwanda-visit_en (дата обращения: 20.11.2021), First delivery of German-donated COVID vaccines to COVAX land in Mauritania, with other deliveries to follow // GAVI. The Vaccine Alliance. URL: https://www.gavi.org/news/media-room/first-delivery-german-donated-covid-vaccines-covax-land-mauritania-other-deliveries (дата обращения: 22.07.2025).

[111] Otto von Bismarck, Rede im Preußischen Abgeordnetenhaus (28. Januar 1886) // German History. 2025. URL: https://germanhistory-intersections.org/de/deutschsein/ghis:document-228 (дата обращения: 22.07.2025).

[112] Statement by Mr. Gerhard Schröder Chancellor of the Federal Republic of Germany at the World Summit on Sustainable Development. Johannesburg, South Africa. 2 September 2002. Department of Economic and Social Affairs. Sustainable development. URL: https://sdgs.un.org/statements/germany-14909 (дата обращения: 30.06.2025)., Rede von

Ангелы Меркель[113], а также федеральных президентов Германии и представителей отдельных министерств[114]. Особняком в данной группе стоят доклады официальных представителей немецких колонистов, живших на африканских территориях. Отдельно важно выделить доклад Генриха Ляйста по Камеруну[115], а также доклад о возможности возвращения бывших германских колоний[116]. Также к данной группе источников относятся немецкие и европейские пресс-релизы по ситуации в Африке южнее Сахары[117], официальная

Bundeskanzler Gerhard Schröder beim Afrika-Wirtschaftsforum 2000. URL: https://politische-reden.eu/BR/t/104.html (дата обращения: 29.03.2025).

[113] Speech by Chancellor Angela Merkel to the United Nations General Assembly. The Federal Chancellor. 2010. URL: https://www.bundeskanzler.de/bk-en/news/speech-by-chancellor-angela-merkel-to-the-united-nations-general-assembly-476140 (дата обращения: 01.07.2025); Rede von Bundeskanzlerin Dr. Angela Merkel zum Haushaltsgesetz 2020 vor dem Deutschen Bundestag am 27. November 2019 in Berlin // Bundesregierung. 2019. URL:https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/rede-von-bundeskanzlerin-dr-angela-merkel-1699500, Rede von Bundeskanzlerin Merkel vor der Afrikanischen Union in Addis Abeba. URL: https://politische-reden.eu/BR/t/1179.html (дата обращения: 29.04.2025).

[114] Statement of the Social Democratic Party of Germany (SPD) parliamentary group in the German Bundestag. Adjusting German and European Sahel policy // Positionspapier der SPD-Bundestagsfraction. 2021. URL: https://www.spdfraktion.de/system/files/documents/fraktionsbeschluss_neujustierung-sahelpolitik_20210209_en.pdf (дата обращения: 01.05.2025); Speech to open 50th Munich Security Conference // Der Bundespräsident. January 31, 2014. URL: https://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/EN/JoachimGauck/Reden/2014/140131-Munich-Security-Conference.html (дата обращения: 13.08.2020); Rede von Bundespräsident Dr. Frank-Walter Steinmeier // Die Bundesregierung. 2023. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/newsletter-und-abos/bulletin/rede-von-bundespraesident-dr-frank-walter-steinmeier-2235000 (дата обращения 25.03.2025), , Rede von Bundesministerin Heidemarie Wieczorek-Zeul anlässlich des 100 // Jahrestages der Herero-Aufstände in Namibia, 2004. URL: http://www.baerfilm.de/PDF/RedeWieczorek-ZeulNamibia.pdf (дата обращения: 13.07.2020).

[115] Report by Leist to the Colonial Department. 1891., Report of Sub-Committee on Transfer of Mandates to Germany (hereafter referred to as Report), Part III, 8, note 2.

[116] Report of the Natives of South-West Africa and Their Treatment by Germany. Prepared in the Administrator's Office. Windhuk. South-West Africa, 1918. Pp. 4–16.

[117] The Federal Government realigns its Sahel policy. Press release. Federal Foreign Office. 2023. https://www.auswaertiges-amt.de/en/newsroom/news/2595298-2595298 (дата обращения: 05.05.2025), Sudan Partnership Conference: Joint Press Release by the Co-Hosts (Germany, the EU, the UN and Sudan). European Union external action. 2020. https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/20200625_joint_communique_-_sudan_partnership_conference_0.pdf (дата обращения: 07.06.2025), Press remarks by President von der Leyen on the occasion of the adoption of the European Green Deal Communication. European Comission. 2019. https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/fr/speech_19_6749 (дата обращения: 30.06.2025).

информация в ресурсах сети Интернет МИДа и других министерств Германии[118], немецких посольств[119], отдельных африканских стран[120].

Пятая группа источников – *статистические документы*. К ним можно отнести Статистический ежегодник ГДР[121], динамику ВВП Намибии[122], статистические данные по миграции[123] и др.

Таким образом, можно говорить о том, что предмет диссертационного исследования достаточно хорошо обеспечен различными историческими источниками, позволяющими исследовать роль и место Африки южнее Сахары во внешнеполитическом курсе Германии.

Теоретическая база исследования. Поскольку анализируемый в данной работе период охватывает несколько исторических эпох с различными конфигурациями международной системы, классические теории международных отношений, производные от реалистической и либеральной парадигм, не позволяют в полной мере раскрыть механизмы преемственности в африканском векторе внешней политики Германии. Для эффективного анализа темы автор разработал концепцию гибридного неоколониализма, являющуюся развитием постколониальных концепций в рамках реалистической парадигмы. В ходе работы автор показывает, как с помощью этого инструмента оптимизировать исследование современной политики Германии в регионе Африки южнее Сахары. Данная концепция позволяет выявить историческую преемственность механизмов политической и гуманитарной эксплуатации, присущей немецкой политике в колониальный период, и ее дальнейшую трансформацию в условиях формальной деколонизации и изменения международного порядка после 1991 г.

---

[118] Official ceremony marking Germany’s accession to the Maritime Analysis and Operations Centre // Federal Ministry of the Interior. 2024. URL: https://www.bmi.bund.de/SharedDocs/kurzmeldungen/EN/2024/07/MAOC.html (дата обращения: 15.08.2025).

[119] Botschaft der Republik Namibia in der Bundesrepublik Deutschland. 2021. http://www.namibia-botschaft.de/index.php?option=com_content& view=article&id=44&Itemid=20 (дата обращения: 01.02.2021), Namibian-German Special Initiative for Community-driven Development in Specific Regions. 2006. http://www.namibia-botschaft.de/aktuelles/717-namibian-german-special-initiative-programme-ngsip.html (дата обращения: 18.08.2020).

[120] Vanthemsche G. Le Congo belge pendant la Première Guerre mondiale. Les rapports du Ministre des Colonies Jules Renkin au roi Albert Ier 1914-1918. Brussels. Académie royale de Belgique. 2009.

[121] Statistisches Jahrbuch der Deutschen Demokratischen Republik. 1967. // Die Statistische Bibliothek. 2026. URL: https://www.statistischebibliothek.de/mir/servlets/MCRFileNodeServlet/DEHeft_derivate_00070319/1967gesamt.pdf (дата обращения: 13.01.2026).

[122] ВВП Намибии // Take Profit. 2025. URL: https://take-profit.org/statistics/gdp/namibia/ (дата обращения: 13.08.2025).

[123] Statistischer Bericht // Einwohnerregisterstatistik. 2024. URL: https://download.statistik-berlin-brandenburg.de/60c6e60ee054ca04/41d999cf9fd4/SB_A01-05-00_2024h01_BE.pdf. (дата обращения: 13.08.2024); Ausländische Bevölkerung in Hamburg am 31.12.2022 // Statistisches Amt für Hamburg und Schleswig-Holstein. 2022. URL: https://www.statistik-nord.de/fileadmin/Dokumente/Statistische_Berichte/bevoelkerung/A_1_4_j_H/A_I_4_j_22_HH.pdf. (дата обращения: 13.08.2024).

Методология исследования, которая была привлечена для решения поставленных в работе задач, представляет собой совокупность частно-научных методов, характерных для исторической и политологической наук, что говорит о ее междисциплинарности.

Политика Германии в колониальный и межвоенный периоды анализируется с помощью *диахронного* метода. Он позволяет выявить преемственность колониальной политики через периодизацию: эпоха формального владения колониями (1884–1914 гг.), период ревизионистских попыток восстановления статуса метрополии после утраты заморских территорий (после 1914 г.). Данный метод помогает раскрыть переломные моменты колонизации, такие как восстание гереро, нама, овамбо, геноцид африканских народов, восстание Маджи-Маджи. Более того периодизация и выделение схожих черт в поведенческой модели Германии позволяет проследить континуитет колониальной риторики в межвоенный период, а также в годы Второй мировой войны.

Для периода холодной войны и изучения политики ФРГ и ГДР в отношении Африки южнее Сахары потребовалось применение *проблемно-исторического* метода. С его помощью ФРГ и ГДР анализируются как субъекты международных отношений, встроенные в противоборствующую систему координат – западную и советскую соответственно. Это позволило провести параллели между усилиями обеих стран по формированию внешнеполитических курсов и выявить взаимную обусловленность их политики в Африке южнее Сахары.

Наиболее сложным уровнем анализа является изучение постколониальных механизмов Германии, выделение отличительных особенностей от французских и британских усилий. Акцент сделан на проблеме преодоления геноцида африканских народов. Базовым методом здесь является метод *исторических параллелей*, который позволяет определить основные претензии со стороны Намибии к Германии и рассмотреть аргументы немецкой стороны по отказу от признания геноцида народов, проживающих на немецких колониальных территориях. Для этого определяются показатели преодоления колониального наследия, выраженные в понятиях «признание», «извинения», «вовлечение пострадавших сообществ», «материальная компенсация». Через исследование этих показателей восстанавливается историческая параллель между колониальными событиями и современными усилиями Германии по их преодолению.

Периодизация политического взаимодействия объединенной в 1991 г. Германии с Африкой южнее Сахары построена по *историко-хронологическому* принципу с акцентом на выявление преемственности между отдельными этапами. В свою очередь, политика Германии в отношении региональных организаций в Африке южнее Сахары рассматривается сквозь призму исторического институционализма, что позволяет оценить стремление Германии к экспорту европейской интеграционной модели в африканский контекст.

Изучение деятельности Германии по реализации миротворческих миссий ООН и ЕС, требовала оценки конкретного вклада Бундесвера в многосторонние миротворческие операции. С помощью метода *инструментального наблюдения* выделены необходимые паттерны: численность персонала в каждой из миссий, технические средства, предоставляемые Германией ООН или ЕС для реализации

операций, полномочия и задачи, ограничительные факторы, препятствующие большему вовлечению немецких сил в миротворчество в Африке южнее Сахары. После изучения каждого из паттернов в рамках отдельных миссий делается вывод об эффективности немецких усилий через сопоставления вклада Германии и долгосрочных исходов конфликтов.

Реакция Германии на трансграничные угрозы, такие как миграционный кризис, пандемия COVID-19, наркотрафик, торговля людьми, анализируется посредством *нарративного* метода. Он позволяет реконструировать последовательность уникальных событий, определяющих универсальные паттерны немецкой реакции на них. Кроме того, с его помощью можно определить корреляцию между степенью заинтересованности Германии в инвестициях в борьбу с конкретной угрозой и выгодами, получаемыми страной при благоприятном решении проблемы.

Немецкая помощь в целях развития странам Африки южнее Сахары оценивается через разработанную автором шкалу эффективности на основе критериев Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) с трехуровневой градацией. Непосредственное шкалирование предполагает присвоение каждому критерию оценки от -1 до 1, где -1 – абсолютно неэффективная политика по критерию, 0 – частично эффективная политика и 1 – абсолютная эффективность. Сокращение количественных дескрипторов с 6 (как у ОЭСР) до 3 позволило, не упрощая градации, уменьшить размывания значений каждого показателя помощи. Кроме того, чтобы дать заключение по общей эффективности германских усилий на этом направлении после шкалирования предлагается поиск среднего арифметического показателя по простой формуле (сложить все количественные показатели и разделить их на количество критериев).

Культурная, научная и образовательная дипломатия анализируется методом *критического дискурс-анализа*, выявляющего несоответствие между декларируемыми целями официального Берлина и реальными действиями, которые совершаются в рамках этих сфер.

Научная новизна исследования определяется, во-первых, тем, что впервые в отечественной историографии проведено комплексное исследование современной стратегии Германии в Африке с разграничением адресных немецких инициатив, а также тех, которые страна реализует в общеевропейских интересах. В отличие от более ранних исследований, сконцентрированных на отдельных немецких проектах в регионе без системной привязки к трансформации внешнеполитического курса страны, в данной работе предлагается анализ эволюции немецкой политики от колониальных времен до современного этапа с параллельным выявлением того, что каждый новый этап заимствовал из предыдущего.

Во-вторых, исследованы параллели между историческими событиями, связанными с колониальным вопросом Германии в Африке южнее Сахары, и актуальными действиями страны в отношении развивающегося региона мира. Приведены доказательства того, что колониальные методы не исчезли из повестки дня, а были трансформированы.

В-третьих, в диссертационном исследовании представлены две авторские периодизации. Первая из них посвящена выделению этапов развития

колониального вопроса Германии уже после потери колоний в результате Перовой мировой войны. Это важно для понимания дальнейшего интереса страны к Африке южнее Сахары, в том числе в контексте извинения за геноцид африканских народов и помощи в целях развития. Вторая периодизация – это выделение этапов развития внешнеполитического курса после объединения включения ГДР в состав ФРГ в 1990 г.

В-четвертых, разработана концепция гибридного неоколониализма, которая призвана объяснить современные методы политики европейской страны в отношении Африки южнее Сахары. Выявлено, что наиболее важными составными частями разработанной концепции является гибридность акторов, принимающих решения по формированию внешнеполитического курса страны в Африке южнее Сахары, гибридность условий реализации этого курса, а также гибридность сфер, в которых Германия пытается реализовать свои внешнеполитические амбиции.

Проведено сравнение новой концепции с существующими неоколониальными и постколониальными дискурсами. В каждом из разделов исследования проведены параллели между теоретическими рамками, заложенными в первой главе, и практическими шагами Германии в отношении африканских стран. Кроме того, уточнены некоторые постулаты неоколониальной и постколониальной концепций, а также теории комплексной региональной безопасности с учетом внедрения в их трактовки немецких усилий по реализации национальных интересов в Африке южнее Сахары.

В-пятых, разработан введен в научный оборот количественный метод оценки эффективности немецкой помощи странам Африки южнее Сахары, отличающийся от метода, используемого в ОЭСР. При этом учтены не только объем помощи и сферы, на которые она направляется, но и институты и платформы, которым отданы приоритеты в ее реализации.

В-шестых, новизна обусловлена тем, что автор ввел в научный оборот ряд новых источников на русском, немецком и английском языках, которые проанализированы в контексте немецкой политики в Африке южнее Сахары впервые.

В-седьмых, предложен авторский подход в выявлении долгосрочных тенденций борьбы Германии с вызовами и угрозами в Африке южнее Сахары. Каждая из угроз рассматривается не только с точки зрения инструментов, применяемых Германией для помощи в борьбе с ней, но и с точки зрения бихевиорализма, оценки мотивации страны для ее преодоления.

Положения, выносимые на защиту:

1. В научном теоретическом дискурсе отсутствует единая позиция относительно субъектности Африки южнее Сахары. В практикоориентированных исследованиях утверждается, что нельзя рассматривать данный регион в отрыве от Северной Африки ввиду того, что это искусственно разделяет континент. Мотивы исследователей основаны на желании объединить исторически по-разному формирующиеся субъекты. Однако с помощью современных теоретических предположений, опирающихся на теорию комплексной региональной безопасности, а также на разработанную автором концепцию гибридного неоколониализма, можно говорить о том, что Африка южнее Сахары – это самостоятельный региональный комплекс, который

полноценно соответствует трем из четырех критериев матрицы субъектности. Она базируется на внутриполитической ситуации в странах Африки, межгосударственных отношениях, межрегиональных отношениях и роли глобальных держав в расстановке сил в регионе.

2. До сих пор внешняя политика Германии в Африке Южнее Сахары рассматривалась в рамках колониального, неоколониального и постколониального дискурсов. Это связано с немецкими усилиями по получению колониальных территорий в Африке, затем по их возвращению после Первой мировой войны. На современном этапе произошла существенная трансформация методов, которые немецкие государственные и негосударственные акторы применяют для достижения своих целей в Африке южнее Сахары. Совокупность этих методов, а также способы их реализации дают возможность сформулировать принципы контекстуально иной теоретической базы – гибридного неоколониализма. Он включает в себя преимущественно инструменты опосредованного влияния, в том числе политические, миротворческие, культурно-гуманитарные и образовательные проекты. В процессе исследования установлено, что результативность этих инструментов снижает стимулы к формализации единой, целостной стратегии Германии в отношении Африки южнее Сахары и способствует сохранению стратегической неопределенности. Это также помогает извлекать скрытые политические преимущества.

3. Распространенное представление о том, что утрата Германией колоний после Первой мировой войны привела к фактическому исчезновению колониального фактора из ее внешней политики, нуждается в пересмотре. Колониальный опыт Германии в Африке южнее Сахары не только отличался от французской ассимиляционной модели и британской системы косвенного управления, но и создал долговременные ограничения для последующей германской политики в регионе. Отказ германской колониальной администрации от формирования устойчивой системы включения лояльных африканских элит в систему управления, опора на насилие и репрессивные практики, достигавшие в ряде случаев характера геноцида, обусловили возникновение специфической «нормативной ловушки» исторической памяти и моральной ответственности.

Вследствие этого современные германские правительства и отдельные министерства вынуждены выстраивать отношения с государствами Африки южнее Сахары с учетом колониального прошлого и необходимости публичного признания его последствий. Вместе с тем, гуманитарная риторика памяти, примирения и преодоления последствий колониального насилия не сводится исключительно к моральной исторической ответственности. Она способна выполнять инструментальную функцию, обеспечивая более благоприятные условия для продвижения политических и экономических интересов Германии в регионе.

Колониальный вопрос сохранял политическую значимость и после официальной утраты германских владений в Африке южнее Сахары. В межвоенный период колониальная тема выступала не столько программой реального восстановления германской колониальной империи, сколько дипломатическим ресурсом пересмотра Версальского порядка. Ее актуализация позволяла Германии оспаривать послевоенные ограничения, добиваться смягчения условий, навязанных державами-победительницами, подтверждать

притязания на статус значимого субъекта европейской политики. Отдельные поведенческие черты такой политики можно усмотреть и в современно внешнеполитическом курсе Германии.

4. Эволюция африканского вектора внешней политики объединенной Германии определяется сложной диалектикой различных деклараций и политических ограничений. Политика исторической памяти Германии в отношении колониального прошлого характеризуется структурным дуализмом: с одной стороны, наблюдается активная демонстрация моральной ответственности и даже готовности к публичному признанию силового истребления африканских народов (включая выступления официальных лиц, из уст которых звучали извинения перед гереро и нама), с другой – сохраняется юридическая ригидность позиции федерального правительства и Бундестага, избегающих квалификации событий 1904–1908 гг. как геноцида в международно-правовом смысле для предотвращения прецедента выплаты прямых репараций.

Внешняя политика Германии характеризуется устойчивой межпартийной преемственностью по системному наращиванию немецкого присутствия в Африке южнее Сахары. Несмотря на то, что в рассматриваемый исторический период канцлеры Германии (от Г. Коля до О. Шольца) по-разному относились к возможности выхода немецких военных сил за пределы зоны европейской ответственности, тенденция к этому заметна. Это обусловлено не только внутренней логикой развития внешней политики Германии, но и ее стремлением к стратегическому замещению утрачиваемого Францией влияния в Сахеле. Инструменты гибридного неоколониализма помогают Германии заместить освободившиеся политические и культурно-гуманитарные лакуны.

5. Одним из важных теоретических особенностей гибридного неоколониализма является переориентация стратегических усилий с уровня межгосударственных связей на сотрудничество с субрегиональными объединениями. Внешняя политика Германии отчетливо продемонстрировала, что это эффективный механизм легитимации внешнего влияния. Сдвиг фокуса с двусторонних отношений на институциональный уровень позволяет Германии нивелировать колониальные и неоколониальные сюжеты и обходить политические противоречия, возникающие в прямом диалоге с африканскими правительствами, перенося повестку в более нейтральное русло многостороннего партнерства.

Предложенный автором принцип анализа адресных инициатив Германии в отношении межрегиональных организаций Африки южнее Сахары показал, что через инструменты финансовой, консультативной и технической поддержки этих объединений Германия легализует стратегию нормативного трансфера, целенаправленно внедряет элементы европейской интеграционной модели (принцип субсидиарности, наднационального регулирования, правовые стандарты) в систему африканского управления, провоцируя создание институциональной среды, комплементарной европейским интересам, а также обеспечивает долгосрочную структурную привязку африканских интеграционных объединений к европейским политико-правовым стандартам. Все это говорит о новом типе неоколониального мышления, который соответствует вводимым автором признакам гибридного неоколониализма.

6. Гибридный характер неоколониальной стратегии Германии в Африке южнее Сахары проявляется в использовании участия в миротворческих миссиях в качестве инструмента продвижения собственных политических интересов при одновременной минимизации связанных с этим рисков. Германия реализует такую стратегию на институциональном уровне через многосторонние форматы сотрудничества под эгидой ООН и ЕС. Она опирается на легитимность международных мандатов, предсказуемость расходов и управляемость эскалации. При этом ее участие в миротворческих миссиях в основном ограничивается техническими, логистическими, медицинскими, учебно-консультативными функциями. Подобная форма вовлеченности позволяет немецкому правительству сочетать ограниченное военно-силовое присутствие с воздействием на нормативно-правовые и доктринальные основы международных мандатов. Это позволяет снижать риски формирования негативного образа немецкой стороны в глазах африканских правительств.

7. В целях более глубокого понимания особенностей африканского направления внешней политики Германии особое значение приобретает выявление иерархии приоритетов борьбы Берлина с транснациональными вызовами и угрозами. В этой иерархии приоритетное место занимает минимизация миграционных рисков для Германии и Европейского союза, за которой следуют противодействие наркотрафику и борьба с торговлей людьми. При этом декларируемое Германией привлечение государств Африки южнее Сахары к совместному противодействию данным угрозам, основанное на риторике взаимной выгоды и партнерства, сочетается с ориентацией на обеспечение прежде всего германских и общеевропейских интересов в области безопасности. Германия использует в этих целях не только двустороннее взаимодействие с отдельными африканскими государствами, но и потенциал межрегиональных организаций, превращая их в важные механизмы внешнего контроля над миграционными, криминальными и гуманитарными рисками за пределами европейского пространства.

Опыт политики Германии в отношении стран Африки южнее Сахары в период пандемии COVID-19 подтверждает данную закономерность. Анализ национальных решений немецкого правительства и отдельных министерств по вопросам доступа к вакцинам, лекарственным средствам и средствам индивидуальной защиты свидетельствуют о том, что германская политика была обусловлена логикой «вакцинного национализма». Значительная часть инициатив, реализуемых Германией самостоятельно или через механизмы Европейского союза, была направлена на защиту собственных интересов, интересов ЕС и глобальных фармацевтических корпораций, а не на обеспечение равноправного и своевременного доступа африканских стран к критически важным медицинским ресурсам.

8. Отличительной чертой гибридного неоколониализма являются новые направления помощи в целях развития. Германская помощь в целях развития, адресованная странам Африки южнее Сахары, в значительной степени функционирует не как альтруистическая практика перераспределения ресурсов, а как инструмент внешнеполитического давления европейского государства на африканские. Базовыми элементами, взятыми для анализа, стали такие новые направления помощи как зеленая энергетика, цифровизация, IT-технологии.

Согласно критериям ОЭСР и разработанной автором шкалы оценки помощи Германией странам Африки южнее Сахары следует говорить о том, что отраслевая конфигурация помощи демонстрирует избирательность. Наряду с социальными направлениями, занимающими небольшую часть выплат, поддержка концентрируется на тех сегментах экономики и промышленности, которые обладают для Германии выраженной прикладной ценностью. Она проявляется в доступе к ранкам, цепочкам поставок, долгосрочной экономической отдачей. После оценки эффективности помощи по авторской методике была выявлена ее патерналистская структура с особым упором на сектора, отражающие стратегические установки самой Германии и ЕС. Она не совпадает по базовым критериям с иерархией актуальных потребностей африканцев.

9. Современная архитектура немецкого влияния в Африке южнее Сахары опирается в том числе на интеллектуальную экстракцию и стратегическую экспертизу. Это формирует качественно новые механизмы доминирования, включенные в авторскую концепцию гибридного неоколониализма. Германия отказалась от классической неоколониальной экспансии в культурно-образовательной и научной деятельности, которая была и остается характерной для Франции и Великобритании. Данный процесс превратился в механизм системного использования человеческих ресурсов. Это подразумевает не только целенаправленный подбор наиболее талантливых специалистов для нужд германского государства, но и поддержание технологического разрыва в африканских обществах.

Такого рода инструменты создаются и легитимизируются разветвленной сетью политической экспертизы (аналитические центры партийной, общегосударственной и европоцентричной направленности). В сложных для европейских государств политических условиях работы в Африке южнее Сахары, именно аналитические центры обосновывают необходимость замещения французского влияния немецким менеджментов и продвигают позиции Германии как ключевого актора, способного соблюсти баланс между национальными интересами и общеевропейскими потребностями.

Теоретическая значимость исследования состоит в разработке концепции гибридного неоколониализма. В дальнейшем в рамках доказательства или опровержения ее постулатов исследователи особенностей взаимодействия бывших колоний с европейскими метрополиями могут вступать в научный диспут и выявлять новые тенденции в отношениях между коллективным Западом и развивающимися регионами мира. Также в рамках третьей главы автор уточнил ряд допущений базовых парадигм и актуальных теорий, таких как неореализм и либеральный институционализм. Это уточнение произошло за счет включения в теоретические рамки нехарактерного для отдельных теорий кейса – официальной помощи в целях развития.

Помимо этого, теоретическая значимость обусловлена созданием нового метода количественной оценки эффективности помощи в целях развития. Этот метод может быть использован и в других научных работах ввиду того, что его функционал не ограничивается исключительно мониторингом динамики взаимоотношений по линии «колония-метрополия».

Материалы диссертационного исследования могут быть использованы для чтения учебных курсов по внешней политике Германии, по месту и роли Африки южнее Сахары в системе международных отношений, по колониальному и постколониальному периодам в истории европейских стран в высших учебных заведениях. Кроме того, определенную пользу выводы, к которым пришел автор, могут принести и в процессе написания аналитики по проблемам взаимодействия с Африкой южнее Сахары, а также по принципам взаимодействия с Германией, которая видит в российских инициативах в регионе определенную угрозу.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы государственными структурами, Министерством иностранных дел (МИД) России, профильными министерствами и ведомствами, федеральными органами исполнительной власти Российской Федерации, а также аналитическими структурами, изучающими европейский опыт современных политических отношений с Африкой южнее Сахары.

Прикладной характер исследования позволяет использовать имеющиеся в диссертации количественные и качественные показатели для разработки контрмер против неконструктивных усилий Германии в Африке южнее Сахары. Россия, как государство, никогда не колонизировавшее Африку, вносит важный вклад и в борьбу с преодолением гибридного неоколониализма. В свете ухудшающихся отношений между Германией и Россией, данное обстоятельство приобретает особую значимость.

Апробация результатов диссертационного исследования. Отдельные составные части исследования были представлены на конференциях различного уровня:

Конференция «Большое Причерноморье: политика, экономика, безопасность». Москва. (Институт Европы РАН, 3 декабря 2018 г., г. Москва), Конференция «Кризисы и конфликты в Африке: проблемы урегулирования, миротворчество на континенте». (Институт Африки РАН. 3 апреля 2019 г., г. Москва), XIII Конвент РАМИ. (МГИМО(У)МИД РФ, 5 октября 2021 г., г. Москва), Международная научная конференция «Мир после пандемии. Глобальные вызовы и перспективы развития» (ИМЭМО РАН. 22-23 апреля 2021 г., г. Москва), Международная научная конференция молодых ученых «Теория и методология науки о международных отношениях». (ИМЭМО РАН. 21-22 апреля 2022 г., г. Москва), Конференция «Творческая лаборатория историка. Темпоральные дискурсы: соединяя прошлое и будущее». ТГУ, 25-25 октября 2022 г., г. Томск), XII Международная научная конференция «Африка в контексте формирования новой системы международных отношений» (РУДН, 1-3 марта 2023 г., г. Москва), Всероссийский круглый стол «Европейские империи XX в. в оценках современных исследователей: новые подходы и интерпретации» (ТГУ, 19 ноября 2024 г., г. Москва), Второй Петербургский конгресс исследователей международных отношений (СПБГУ. 25-27 апреля 2024 г., Санкт-Петербург.).

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность проблемы исследования, проанализирована степень её научной разработанности, сформулированы объект, предмет, цель и задачи работы, а также дано объяснение выбранным хронологическим рамкам. Введение содержит характеристику источниковой базы, разделенной на несколько групп; представлены методологическая база и методы исследования, обоснована научная новизна и изложены положения, выносимые на защиту. Раскрыты теоретическая и практическая значимость работы, приведены сведения об апробации исследования.

Первая глава «**Теоретические обоснования исследования внешнеполитического курса Германии в Африке южнее Сахары**» посвящена обоснованию авторской концепции гибридного неоколониализма применительно к политике современных немецких политических элит в регионе Африки южнее Сахары. Автор проанализировал существующие неоколониальные теории с точки зрения их генеалогической преемственности и теоретической трансформации. Кроме того, в главе дана оценка их влияния на научные представления о внешней политике Германии в Африке южнее Сахары.

В первом параграфе «***Неоколониальные и постколониальные подходы к изучению эволюции становления и развития немецкой политики в Африке южнее Сахары»*** раскрывается терминологический аппарат неоколониальных теорий с акцентом на содержание каждой из них, а также выявляются их сходства и различия. Анализ концепций К. Нкруме, Э. Саида, Г. Спивака, Х. Бхабхи, Ф. Фанона и других исследователей показал, что, несмотря на широкий взгляд авторов на механизмы культурного и финансового доминирования для сохранения эксплуататорских отношений между бывшими метрополиями и колониями, неоколониальный подход в своем абсолюте актуален не для всех стран, стремящихся получить влияние в Африке южнее Сахары.

Выявлено, что генеалогическая преемственность концепций основана преимущественно на критике колониализма как феномена и неоколониализма как политической формы его продолжения. Данные подходы склонны к упрощению и бинарной категоризации: развивающиеся страны либо находятся под неоколониальным влиянием, либо нет. Это ведет к размытию и недооценке локальной африканской агентности, при которой роль внутренних институтов и политических решений остается нечетко очерченной. Это затрудняет выявление конкретных современных механизмов влияния и измерение их эффективности.

Существующие концепции предполагают высокую степень идеологизации политики метрополий в отношении бывших колоний. Ряд стран действительно используют этот инструмент для сохранения влияния на свои бывшие территории. Однако дальнейший анализ показал, что не всем государствам, включая ведущие европейские экономики (в частности, Германию), присуща склонность к идеологизации экспансионистской политики в Африке южнее Сахары. Она заменяется нормативной нагрузкой, которая выглядит более легитимной, но в равной степени заставляет африканские страны подчиняться правилам, установленным европейским актором.

Установлено, что неоколониальная концепция, а также производные и близкие ей теории (например, теория зависимости и мир-системный подход)

малопригодны для анализа внешней политики Германии в Африке южнее Сахары по ряду структурных, исторических и эмпирических причин.

Во-первых, в отличие от Франции, Великобритании и даже Бельгии, у Германии не было масштабно развернутой колониальной инфраструктуры в Африке южнее Сахары. Немецкая вовлеченность в системное развитие своих колоний в регионе была ограниченной. Поэтому применение классических неоколониальных паттернов с сохранением интенсивного экономического, политического, военного и культурного присутствия к немецкой политике в Африке южнее Сахары невозможно. Немецкая политика носит эпизодический, ситуативный характер и характеризуется преимущественно попытками ответить на вызовы и угрозы, которые, по мнению политических элит, исходят из региона.

Во-вторых, неприменимость неоколониальных инструментов к анализу внешней политики Германии обусловлена отсутствием сформированных механизмов экономического и военно-политического контроля. В отличие от французского и британского неоколониального управления, обладающего набором институтов влияния (например, Содружество наций у Великобритании; Международная организация Франкофонии и зона франка у Франции), а также военными базами в Африке, Германии не удалось создать структурных институтов, сохранивших влияние на африканские страны после потери колоний.

В-третьих, на отказ от изучения современной политики Германии в Африке южнее Сахары в неоколониальных теоретических рамках повлияла историческая специфика немецкого колониализма. Относительно короткий период владения африканскими территориями завершился поражением Германии в Первой Мировой Войне и передачей земель под мандаты Лиги Наций (в основном Великобритании и Франции). Все это привело к тому, что на немецких территориях не сформировалось постколониальных элит, воспитанных в немецкой системе образования. Немецкий язык не является официальным или рабочим языком в африканских странах, за исключением ограниченного использования в Намибии.

Перечисленные причины побудили автора сформулировать новый неоколониальный подход к исследованию внешней политики Германии в Африке южнее Сахары.

Во втором параграфе первой главы ***«Гибридный неоколониализм в контексте внешнеполитического курса Германии в Африке южнее Сахары»*** обосновываются теоретические рамки концепции гибридного неоколониализма, характерного для немецкой внешней политики в рассматриваемом регионе. Он определяется не как прямое продолжение колониальной политики, присущее французскому и британскому внешнеполитическим курсам, а как современная система многоуровневого ситуативного влияния, в рамках которой Германия формирует собственные экономические, политические и культурные инструменты воздействия, нормы и технологии.

Важной чертой этой концепции является то, что никакая германская активность в Африке южнее Сахары заранее не объявляется неоколониальной. Посредством структурирования событийных рядов и анализа используемых немецкой стороной механизмов и инструментов воздействия на страны Африки южнее Сахары устанавливается, какие условия взаимодействия схожи с логикой

инструментария бывших метрополий, а какие актуальны исключительно для немецкого внешнеполитического курса.

В качестве отличительных признаков гибридности выделяются, прежде всего, гибридность акторов, принимающих решения по формированию внешнеполитического курса страны в Африке южнее Сахары, гибридность условий реализации этого курса, а также гибридность сфер, в которых Германия пытается реализовать свои внешнеполитические амбиции.

Гибридность акторов, принимающих решения и обеспечивающих их реализацию, определяется действиями как государственных, так и негосударственных структур. В современных условиях формирования внешнеполитического курса они берут на себя функции ранее не входившие в зону их ответственности. Эта черта присуща немецкой политике ввиду того, что у государства нет исторически сформировавшейся устойчивой институциональной базы, на которую она может опираться в процессе усиления своей роли в африканской региональной повестке дня. Германия склонна привлекать к реализации своего внешнеполитического курса отдельные структуры ЕС, немецкие банки и корпорации, фонды политического и общественного просвещения, университеты и научно-аналитические сообщества, цифровые платформы и технологические центры.

Именно благодаря гибридности акторов в процессе формирования внешнеполитического курса Германии удается дистанцироваться от непопулярных в африканских странах решений, избегая обвинений в немецком давлении и называя это «европейским стандартом» норм, принципов и ценностей.

Гибридность условий реализации внешнеполитического курса определяется тем, центральным элементом поведенческой модели Германии является перенос решения внутриполитических проблем за пределы собственных и даже европейских границ. Вместо борьбы с основными, в том числе неконвенциональными, вызовами и угрозами внутри ЕС и усиления контроля за границами, наблюдается тенденция к финансированию африканской системы пограничного контроля, оформлению принятия депортируемых граждан, созданию центров регистрации мигрантов и поддержке программ «добровольного возвращения» людей в африканские страны.

Гибридность сфер реализации внешнеполитических амбиций Германии определяется новейшими инфраструктурными и цифровыми задачами, которые усиливают технологическую зависимость африканских стран от немецких разработок. Это проявляется в навязывании цифрового государственного управления, биометрической идентификации, электронных реестров, стандартов кибербезопасности, медицинских и образовательных платформ, систем управления энергетикой и транспортом. С одной стороны, данные меры выглядят как модернизация и цифровизация систем африканских стран. С другой стороны, эти государства не готовы к резкой стандартизации управления, что делает нововведения фрагментарными и зачастую бесполезными.

Наконец, важным аспектом гибридного неоколониализма является экспертно-аналитическое и научное влияние немецких «мозговых центров», университетов и фондов. Германия не только занимается присущим неоколониализму финансированием обучения африканских студентов в

немецких высших учебных заведениях, но и формирует экспертно-аналитические сети, распространяет стандарты академического качества в африканских вузах.

В контексте последней из рассмотренных особенностей гибридного неоколониализма следует упомянуть избирательный характер политики памяти геноцида африканских народов немецкими колониальными силами. Таким образом, гибридность определяется как сочетание разнохарактерных элементов, каждый из которых играет структурирующую или деструктивную роль. Она может рассматриваться как новый тип асимметричного влияния европейского государства на африканскую повестку дня. Германия не воспроизводит собственную историческую колониальную систему, а формирует новую модель влияния посредством частичного заимствования практик.

В третьем параграфе ***«Теоретические подходы к проблеме субъектности Африки южнее Сахары в мировой политике»*** обоснованы теоретические рамки определения субъектности региона Африки южнее Сахары. Такая необходимость обусловлена тем, что автор сознательно отказался от формулы «Африка – объект политики внешних сил». Она не сопоставима с современной африканской агентностью и не отражает роль африканских стран в процессе формирования коалиций, функционирования международных институтов. Кроме того, нередко в отечественной и зарубежной историографии авторы предлагают рассматривать весь Африканский континент в качестве единого субъекта международных отношений, что не всегда оправдано с точки зрения исследования подходов к выработки внешнеполитической стратегии акторов, заинтересованных в африканской повестке дня.

В данном параграфе выработаны авторские критерии определения субъектности Африки южнее Сахары посредством составления матрицы субъектности. К первому критерию матрицы отнесена внутриполитическая ситуация в регионе, ко второму – межгосударственные отношения стран региона и сотрудничество по линии Юг-Юг. Третий критерий учитывает инициативы по отказу от патернализма и масштабную диверсификацию партнеров, а четвертый – политику великих держав в регионе.

Каждый из критериев рассматривается с точки зрения нескольких теоретических концепций, в том числе неоколониальной, гибридного неоколониализма, теории комплексной и региональной безопасности. После анализа автор приходит к выводу, что, во-первых, с исторической точки зрения Африка южнее Сахары обладает субъектностью ввиду колониальных и постколониальных моделей управления этими территориями. Во-вторых, согласно теории комплексной региональной безопасности, Африка южнее Сахары представляет собой отдельный комплекс со своими внешними и внутренними проблемами. Более того, внешние акторы, включая европейские страны, рассматривают данный регион в отрыве от Северной Африки, в отношении которой формируют иные стратегии. В-третьих, в контексте концепции гибридного неоколониализма именно для Африки южнее Сахары разрабатывается институциональная и инструментальная гибридность. В рамках первой наблюдаются разные режимы управления, в рамках второй – одновременное использование финансовых, нормативных, цифровых и миграционных механизмов.

Автор предлагает отказаться от ранее превалирующей модели исследования немецкой политики в Африке, построенной по принципу «Германия действует – Африка реагирует», заменив ее на более сложную модель: «Германия действует – африканские акторы (государственные и негосударственные) интерпретируют действия, модифицируют, используют, отвергают возможность их реализации – Германия корректирует свою стратегию». Это позволяет изучать не только политику европейского государства в отношении африканских, но и видеть реакцию на нее.

Во второй главе «**История становления и развития германской политики в Африке Южнее Сахары**» представлены ключевые исторические этапы становления и развития внешней политики Германии в рассматриваемом регионе. Она охватывает колониальный период, а также борьбу за колонии накануне и во время Первой мировой войны. Особое внимание уделено межвоенному периоду, когда немецкие силы спекулировали колониальной темой, и периоду Второй мировой войны. Значительный интерес для дальнейшего изучения представляет анализ внешней политики ГДР и ФРГ в регионе; их сравнительное сопоставление позволяет определить идеологические и политические основы восприятия Африки южнее Сахары немецкими государствами.

Первый параграф второй главы «***Колониальная политика Германии в Африке в 1871–1914 гг.***» содержит анализ процесса принятия решений Германской империей по колониальному вопросу в XIX в. Берлинская конференция 1884–1885 гг. и позиция Отто фон Бисмарка долгое время определяли политический, военный и экономический подход немецких правительств к африканским территориям.

Установлено, что именно позиция немецкой стороны и лично канцлера О. фон Бисмарка оказала существенное влияние на развитие идеи о том, что колониальный период в истории Африки был не столько тяжким бременем для людей, проживавших на этих территориях, сколько процессом окультуривания и цивилизаторской миссией. Именно этим впоследствии в рамках теоретических и практических дискуссий будет оправдываться колониализм и неоколониальная политика.

Германская модель колониального управления не характеризовалась единой административной политикой метрополии: для каждой территории немецкая администрация вырабатывала свои методы. Так, Германская Юго-Западная Африка представляла собой колонию поселенческого типа, Того – торговую, Камерун – плантационную и торговую.

Немецкие колонисты использовали несколько способов контроля за территориями: прямое территориальное управление, опосредованное и косвенное управление, а также военно-административную систему с привлечением местного населения в качестве бюрократических сотрудников или посредников. Многообразие методов германского колониального управления позволило сформировать вариативность инструментов, что в дальнейшем повлияло на внешнеполитический курс страны на других исторических этапах.

Второй параграф «***Борьба Германии за колонии в Африке накануне и в Первую мировую войну***» призван оценить влияние колоний Германии в Африке южнее Сахары в процессе становления и развития немецкой политики накануне

и во время Первой мировой войны. Определено, что колониальная политика Германии в Африке южнее Сахары в данный период характеризовалась попытками усилить свое влияние на европейском театре военных действий. Африканские заморские территории представляли для Германии не только и ни столько финансовую ценность, сколько стратегический ресурс изменения положения страны в международной системе.

Уже на данном этапе рассмотрения немецкой политики можно усмотреть гибридность немецких интересов в регионе ввиду того, что колонии выполняли сразу несколько функций: экономическую, стратегическую, статусную, дипломатическую. Это подтверждается отчетами губернаторов колоний, предоставлявшимися немецкому политическому и военному руководству.

Классическое представление о требованиях метрополии к колониям базировалось на потребностях в сырье, рабочей силе, продукции и рынках сбыта. Германская политика накануне Первой мировой войны зиждилась на использовании колониальных владений как доказательства великодержавности страны, средства давления на Францию и Великобританию на европейском политическом театре, возможности потенциального обмена территориями и глобальном присутствии в мире. Идея заключалась в расширении германских колониальных владений за счет территорий других метрополий, особенно в центральноафриканском регионе. Речь шла не о фрагментарном желании заполучить отдельные ресурсные территории, а о масштабном пространственном подходе с системным региональным контролем (*нем.* Mittelafrika). Было установлено, что именно в этот момент происходит перестройка внешнеполитического мышления от логики владения отдельными территориями к логике формирования связанного пространства, способного обеспечивать стратегические интересы немецкого государства.

Важность нематериальных и опосредованных выгод от колоний подтверждается и тем фактом, что немецкие колониальные территории не были экономически выгодным предприятием. Но уже в начале Первой мировой войны стало понятно, что, в отличие от Франции и Великобритании, у Германии не было ни экономических, ни инфраструктурных ресурсов связать колонии с метрополией при одновременном ведении военных действий. Представители Антанты, прежде всего Великобритания, были заинтересованы в том, чтобы лишить немецкую сторону колоний, лишить армию снабжения. Союзные силы британских, французских, бельгийских действий быстро лишили Германию доступа к колониям.

Единственным стратегическим успехом стала политика отвлечения внимания Пауля фон Леттов-Форбека в Восточной Африке, которая была призвана оттянуть часть франко-британских сил с европейского театра военных действий. В этот момент африканские территории превратились в инструмент европейской стратегии Германии, что в дальнейшем сыграло существенную роль в формировании внешней политики.

Ряд тактических и стратегических ошибок военно-политического командования привел к поражению Германии в Первой мировой войне и потере колониальных территорий. Однако, как показало исследование следующего этапа становления немецкой политики в Африке южнее Сахары, утрата владений не означала исчезновения колониального мышления.

Третий параграф «***Африка южнее Сахары во внешней политике Германии в межвоенный период и во Вторую мировую войну***» посвящен изменению роли Африки южнее Сахары во внешней политике Германии после потери колоний. Колониальный ревизионизм стал одним из требований в рамках пересмотра Версальского договора, заключенного после Первой мировой войны. Изначально лишь небольшая группа националистических кругов и еще более узкий круг приверженцев умеренной политической линии надеялись на восстановление прав на колонии.

Очень быстро стало ясно, что колониальная территориальная преемственность для Германии невозможна в условиях преимущественного французского и британского контроля за бывшими немецкими владениями. Вместо территориальной преемственности появляется институциональная преемственность. Она заключалась в том, что в межвоенный период, несмотря на отсутствие колоний, у Веймарской Республики сохранилось колониальное подразделение в Министерстве иностранных дел. В нем продолжали работать люди, имеющие колониальный опыт, сохранявшие преемственность германской колониальной политики. То есть речь идет о потере колониальной империи, но не о потере экспертных знаний, связей, колониальной организации, собственных представлений о регионе, внешнеполитических интересов.

Анализ показал, что колониальный вопрос стал одной из центральных тем, которые политические силы Веймарской республики активно использовали для подогрева общественного мнения и дальнейшего военно-политического ревизионизма. Для этого привлекались многочисленные колониальные чиновники и солдаты, устраивавшие парады, собиравшие большое количество зрителей среди мирного населения страны.

Через международные институты, в том числе Лигу Наций, Германии удалось сформулировать новую стратегию политики в отношении африканских территорий, основанную на влиянии без прямого административного управления. Данный подход опирался на тот факт, что, несмотря на международно признанную потерю колоний, Берлину ничто не запрещало вести различную деятельность на территориях своих бывших владений, находившихся под контролем англичан и французов, а также непосредственно внутри африканских колоний этих государств. Эта стратегия играет важную роль и в процессе формирования современного внешнеполитического курса Германии.

Таким образом, автору удалось доказать, что при утрате формального колониального суверенитета Германии удалось сформировать альтернативный способ присутствия в Африке южнее Сахары. Она основана не на ранее хорошо зарекомендовавшем себя принципе территориального владения, а на принципе доступа к пространствам, находившимся под властью других государств.

Именно в результате анализа материалов межвоенного периода и второй мировой войны автору удалось создать периодизацию колониального вопроса во внешней политике Германии после 1918 г. Первый этап (пассивная фаза) – это начало межвоенного времени с 1918 г. по 1933 г. Он характеризуется крайне аккуратной политикой страны в отношении потерянных колоний в Африке. Второй этап (подготовительная фаза) с 1933 г. по 1936 г. характеризуется приходом к власти НСДАП и первыми существенными изменениями во внешней политике Германии в отношении бывших колоний в Африке. Это время можно

назвать периодом внутреннего оформления новых колониальных устремлений Германии. Третий этап (публичная фаза) с 1936 г. по 1938 г. характеризуется вынесением колониального вопроса на всеобщее обозрение. Население стали готовить к тому, что рано или поздно ему придется вступить в схватку с теми, кто отнял у Германии колонии. Наконец, четвертый этап (активная фаза) с 1938 г. по 1939 г. характеризуется активным обсуждением А. Гитлером колониального вопроса в том числе с европейскими странами.

Четвертый параграф «***Сравнительно-сопоставительный анализ внешней политики ГДР и ФРГ в Африке южнее Сахары***» представляет две альтернативные германские модели влияния в Африке южнее Сахары после Второй мировой войны.

Оба немецких государства с момента своего образования вступили в борьбу за дипломатическую субъектность, в том числе посредством формирования собственного внешнеполитического курса. Анализ внешней политики обеих Германий выявил кардинально разные подходы к африканскому вектору. ФРГ видела своей основной задачей представление Германии целиком. Именно поэтому во внешней политики старалась делать максимум для того, чтобы препятствовать дипломатическому признанию ГДР и установлению с ней дипломатических отношений. Доказательством этому служит принятие и реализация доктрины Хальштейна, которая распространялась и на африканские территории. Давление, шантаж со стороны ФРГ и прочие усилия по принуждению к отказу от сотрудничества с ГДР можно рассматривать как неоколониальные действия западногерманского государства.

В свою очередь, в политике ГДР в отношении территорий Африки южнее Сахары преобладали деколонизационные инициативы. Так ГДР стремилась прорвать международную изоляцию и выступить в качестве суверенного актора. Эти две модели нашли отражение и в нормативно-правовой составляющей внешнеполитической деятельности ГДР и ФРГ.

Анализ политических, экономических и инфраструктурных усилий двух Германий выявил иную закономерность, связанную с приоритетными сферами влияния. ФРГ, обладавшая значительно большими финансовыми возможностями, чем ГДР, позиционировала себя в Африке преимущественно как экономическая и гражданская держава. Это соответствовало ее внешнеполитическим инициативам в Европе. ГДР же активнее занимала свободные ниши в области безопасности: поддерживала освободительные движения, взаимодействовала с армиями и полицией, поставляла технику.

Несмотря на то, что идеологические подходы различались до конца существования двух Германий, их функциональность постепенно сближалась, особенно в период деколонизации. На это влияли конкуренция ГДР и ФРГ, увеличение количества внешнеполитических альтернатив обоих государств и появление субъектности африканских стран. Более того, экономические трудности заставили ГДР все больше совмещать международную солидарность с прагматичными экономическими интересами.

Применённый автором историко-системный метод анализа событийных рядов позволил сделать вывод о невозможности единой периодизации формирования и реализации внешнеполитических стратегий ГДР и ФРГ ввиду неравномерного развития государств и разноскоростной динамики их усилий.

В третьей главе «**Политический и военный аспекты сотрудничества Германии со странами Африки Южнее Сахары в 1990–2025 гг.**» изучены наиболее сложные уровни взаимодействия между государственными и негосударственными акторами – военный и политический. В главе предложена авторская периодизация политического взаимодействия Германии с Африкой южнее Сахары, проведен анализ нормативно-правовой базы и дана оценка отношениям Германии с региональными международными организациями. Сочетание государственных и негосударственных акторов отвечает требованиям разрабатываемой концепции гибридного неоколониализма. Значительное место отведено исследованию усилий Германии в рамках миротворческих миссий в Африке южнее Сахары.

Первый параграф третьей главы «***Периодизация и нормативно-правовая база политического взаимодействия Германии с Африкой южнее Сахары***» представляет авторский взгляд на развитие политического сотрудничества Германии с африканскими странами. Первый этап охватывает период с 1990 г. по 1998 г. и приурочен к формированию внешнеполитического курса Германии в контексте объединения ФРГ и ГДР.

Было установлено, что за основу политического курса объединенной Германии на первом этапе была взята западногерманская, а не восточногерманская стратегия в силу того, что западногерманское правительство и МИД вытеснили из политической жизни восточногерманские институты. В этот период начала формироваться система, при которой Германия при определении внешнеполитического курса в отношении Африки южнее Сахары ориентировалась на общеевропейские интересы и институты недавно созданного Европейского союза.

Второй период развития политической и нормативно-правовой составляющей немецкой деятельности в Африке южнее Сахары автор ограничил 1998–2005 гг. Это связано с приходом к власти канцлера Г. Шредера и красно-зеленой коалиции. Если предшественник Шредера концентрировался прежде всего на европейской повестке дня, то новый канцлер рассматривал Германию как одного из важных акторов мировой политической системы. В этот период немецкое государство взяло курс на расширение сфер интересов в Африке южнее Сахары: от сугубо инвестиционно-экономических к военно-политическим. Поскольку собственная внешнеполитическая стратегия в отношении региона еще не сформировалась, Германия сделала ставку на продвижение своих интересов в рамках международных организаций.

Опорной точкой данного периода развития политических отношений становится меморандум о новых основах африканской политики Германии, в котором экспертами была предложена не опробованная ранее «концепция структурной стабильности». Ее анализ дает основания полагать, что правящим кругам Германии рекомендовали временно отказаться от реализации собственных политических инициатив в Африке южнее Сахары в пользу гуманитарных и ценностно-ориентированных проектов.

Анализ риторики и конкретных политических шагов Г. Шредера показал, что он с некоторыми ограничениями прислушался к экспертному мнению. Его визиты в африканские страны продемонстрировали, что вопросы мира и безопасности на данном этапе развития внешнеполитического курса Германии

могли обсуждаться только в ограниченном формате. Но одновременно с этим канцлер продемонстрировал желание немецкой стороны в будущем привносить в африканскую повестку дня собственные, независимые от других игроков, инициативы и предложения, а не только проводить реактивную политику, ориентированную на интересы и решения других.

Третий, и самый продолжительный по времени, хронологический этап выстраивания политических отношений Германии со странами Африки южнее Сахары охватывает несколько сроков пребывания на посту Канцлера Ангелы Меркель в период с 2005 г. по 2021 г. В российской и зарубежной историографии можно найти много противоречивых мнений относительно того, какую роль играла Африка южнее Сахары во внешней политике страны в рассматриваемый период. Однако анализ событийных рядов привел к выводу о том, что роль региона поступательно увеличивалась во внешнеполитическом курсе страны. При чем речь идет не только о ранее использованных сюжетах, таких как помощь в целях развития, инвестиции и гуманитарная сферы, но и об углублении институционального взаимодействия с привлечением вопросов мира, стабильности и безопасности, многосторонней дипломатии, миграционных вопросов.

Именно последний из рассмотренных периодов является наиболее ярким свидетельством, подтверждающим допущения концепции гибридного неоколониализма. В ней закладываются основные компоненты: экономическая условность помощи, перенос решения большинства вызовов и угроз за пределы зоны ответственности Германии, избирательность в субрегиональных подходах, многостороннее посредничество, продвижение немецких интересов в рамках нормативного управления и, главное, рассмотрение проблем безопасности в африканских регионах как варианта обеспечения собственной безопасности.

Второй параграф «***Политика Германии в отношении признания геноцида в Намибии и преодоления неоколониальных последствий***» важен для понимания идеологических и политических причинно-следственных связей формирования внешнеполитического курса Германии в отношении Африки южнее Сахары. Кроме того, в качестве одного из компонентов гибридного неоколониализма предложена проверка допущения об избирательной исторической памяти, что также соотносится с изучением процесса признания геноцида в отношении намибийских народов.

Основной аргумент немецких политиков и официальных лиц, отказывающихся признать геноцид колониального периода как таковой, заключается в том, что Конвенция о классификации действий как актов геноцида была принята значительно позже утраты Германией своих колоний в Африке, а значит, юрисдикция этого документа на действия в отношении гереро, нама и овамбо не распространяется.

Однако исследование исторических источников и заявлений выявило две более значимые причины. Во-первых, признание влечет за собой необходимость возмещения ущерба и выплаты репараций. Учитывая последующие страницы немецкой истории, это может создать прецедент, при котором другие страны, пострадавшие от германской колонизации, также потребуют признания и выплат. Во-вторых, причиной затягивания признания является дилемма выбора субъекта переговоров: потомки гереро и нама или официальное правительство Намибии.

Согласно нормам международного права, официальной стороной должно быть суверенное государство, однако цели правительства и представителей гереро и нама могут отличаться.

Таким образом, фактически возникает темпоральная и нормативная асимметрия: с моральной точки зрения немецкое правительство признает ответственность за геноцид, но с юридической утверждает, что актуальные нормы не могут создать обязательств за действия колониального периода. Именно поэтому Германия намеренно заменяет репарационную модель, где немецкая сторона – должник, а потомки жертв – обладатели требований, моделью содействия международному развитию, где Германия выступает донором, а Намибия – получателем финансирования. Такая модель удобна для современной внешней политики Германии, но не отвечает интересам африканской стороны.

В рамках концепции гибридного колониализма намибийский кейс опровергает утверждения официальных лиц Германии о равноправных отношениях со всеми африканскими странами на паритетных условиях. Напротив, Германия стремится к контролю над условиями взаимодействия с Намибией, включая интерпретацию исторической ответственности. Гибридность проявляется в сочетании морального признания вины и ограниченности ее юридических последствий. Это выгодно Германии, но невыгодно народам, пострадавшим от насилия в колониальный период.

Третий параграф «***Эволюция отношений Германии с региональными международными организациями Африки южнее Сахары***» посвящен изучению одного из самых сложных уровней взаимодействия между акторами – отношений между государством и негосударственными игроками.

Удалось установить, что Германия выработала для себя несколько приоритетных форматов взаимодействия с региональными международными организациями в Африке южнее Сахары. К ним относятся: переговорный процесс, саммитовая дипломатия и механизмы совместного финансирования проектов. Это помогает формировать многоуровневую конструкцию, в рамках которой не надо напрямую искать подходы к одному конкретному государству; можно через международные региональные институты сформулировать общие правила, которые уже будут приниматься в рамках конкретных государственных проектов.

Германии нет необходимости оказывать давление на такие региональные организации, как ЭКОВАС, САДК или ВАС. Достаточно профинансировать их институциональное устройство, предоставить экспертов в области управления для разработки технических процедур и поддержать ряд региональных программ. Все это дает возможность воздействовать не на единичное решение одного конкретного государства, а на институциональную среду, внутри которой принимают решения сразу несколько государств. Концептуально данный подход можно назвать региональной институционализацией влияния.

Значимость данного уровня сотрудничества Германии с региональными международными организациями определяется отсутствием неоколониальных механизмов, которыми обладают Франция (Франсафрик) и Великобритания (Содружество Наций). Вследствие этого Германии приходится разрабатывать

подход для каждого конкретного африканского объединения, чтобы оказывать влияние через институциональное упорядочивание пространства.

Именно это является спецификой гибридного неоколониализма, способного в отсутствие стабильных элементов управления создавать новые возможности для продвижения интересов Германии. Отличия от неоколониализма здесь существенны: например, у Германии не было возможности диктовать условия создания и функционирования Африканской зоны свободной торговли (AfCFTA), но при этом есть необходимость и ресурсы формировать выгодные для себя торговые правила и цепочки поставок.

Четвертый параграф третьей главы «***Участие Германии в миротворческих миссиях в Африке южнее Сахары***» раскрывает еще один важный интерес Германии в этом регионе не только с точки зрения внешней политики, но и с позиции немецкой идентичности. В данном пункте предложен авторский подход к рассмотрению миротворческой деятельности Германии через исследование трех плоскостей: глобальной (миротворчество в рамках ООН), региональной (усилия в рамках миротворческих инициатив ЕС) и субрегиональной (миротворческие усилия в рамках Африканского Союза).

С учетом того, что долгое время военные возможности Германии были ограничены и предоставлять большой военный контингент для миротворческих миссий она не могла, ей пришлось сформировать собственную стратегию участия в них. Вместо масштабного военного присутствия и прямого участия в урегулировании конфликтов Германия ограничивается подготовкой военнослужащих и полиции, ранним предупреждением конфликтов, медиацией между африканскими странами и ЕС, а также пограничным управлением, контролем реформ государственных институтов, правосудия и защиты прав человека. Модель поведения Германии в миротворческих миссиях ООН может быть охарактеризована как «прыжок на подножку уходящего поезда», то есть важно обозначить сам факт присутствия, оказывать максимально допустимую помощь и поддержку, даже если пока нет причин рассчитывать на расширение военных полномочий.

Все это говорит не о воздействии на воюющие стороны или противоборствующие армии, а на саму институциональную архитектуру безопасности в регионе. Таким образом, формируется принцип воздействия не на решения, как это происходит в рамках неоколониализма, а на среду, в которой эти решения принимаются. Данный подход сочетается с современной идентичностью Германии, основанной на осторожности в применении силы и предпочтении многосторонних операций через международные организации.

Но главной причиной, по которой Германия оставляет за собой право опосредованно участвовать в процессе миротворчества, является решение кризисов за счет этого участия. В конечном счете проблемы миграции, организованной преступности, терроризм, проблемы морских торговых путей связаны напрямую с европейской безопасностью в целом и с немецкой, в частности. Здесь и возникает еще одно доказательство состоятельности концепции гибридного неоколониализма. Миротворческая деятельность призвана не столько обеспечивать безопасность Африки, сколько снижать риски для самой Германии.

Четвертая глава «**Региональные вызовы и угрозы Африки южнее Сахары и их отражение во внешнеполитическом курсе Германии**» раскрывает основные проблемы, которые Германия пытается решить за счет участия в региональных процессах. На фоне остальных не менее важных вызовов и угроз выделяются миграционный кризис, борьба с наркотрафиком и торговлей людьми, а также относительно недавняя проблема с распространением COVID-19.

Первый параграф «***Миграционный кризис в отношениях Германии и стран Африки южнее Сахары***» раскрывает одну из самых сложных и противоречивых для немецкого правительства проблем – прием мигрантов на своей территории и в целом на территории ЕС. Это обусловлено тем, что данный кейс объединяет вопросы нелегальной миграции, внутренней безопасности, рынка труда и взаимодействия в рамках ЕС.

Главной особенностью миграционной политики Германии в контексте гибридного неоколониализма является попытка управлять потоками до того, как мигранты достигают европейских границ. Это напрямую связано с концепцией гибридного неоколониализма – предотвращением проблемы за пределами своей зоны ответственности. Германия сотрудничает с африканскими странами, содействуя возвращению людей и реадмиссии. Такое пограничное управление миграцией способствует официальному и легальному ограничению миграционных потоков.

Установлено, что на первый план выходит не запрет мобильности или перемещения людей, а возможность избирательного подхода к тому, кто желателен на территории Германии, а кого следует вернуть в страну происхождения.

Однако при всех усилиях немецкого правительства проблема миграции, в том числе из Африки южнее Сахары, остается одной из наиболее острых. Причин неудач миграционной политики множество, но главной из них, исходя из анализа, можно считать борьбу с последствиями миграционного кризиса, а не с его причинами. Вместо того чтобы сплотить страны ЕС ради создания инфраструктуры и рабочих мест в Африке южнее Сахары, немецкие представители в ЕС склоняют партнеров принимать мигрантов наравне с Германией, видя в этом решение проблемы. Примечательно также, что не наблюдается усилий ни со стороны правительства, ни со стороны негосударственных сил создать четкие механизмы интеграции мигрантов в немецкое общество помимо языкового кластера, который должен помочь людям элементарно понимать друг друга. Этих мер недостаточно для того, чтобы снять миграционный вопрос с повестки дня.

Во втором параграфе «***Роль Германии в борьбе с наркотрафиком и торговлей людьми в регионе Африки южнее Сахары***» рассматривается совокупность неконвенциональных вызовов и угроз, связанных с транснациональными криминальными потоками. Здесь в гораздо большей степени, нежели в случае с миграцией, усматривается принцип не контролировать самостоятельно, а создавать в Африке условия для контроля.

Автор рассматривает эти проблемы комплексно по нескольким направлениям: первое – через прямое сотрудничество Германии с африканскими странами в процессе предотвращения изготовления, транспортировки и

распространения наркотиков; второе – через программы содействия международному развитию и их финансирование; третье – через международные организации.

Проблема заключается в том, что Африка южнее Сахары является не источником наркотрафика, а транзитным пространством. Это затрудняет инкорпорирование превентивных мер в систему противодействия наркотрафику. В случае с торговлей людьми ситуация иная: Германия привлекает прежде всего ценностно-ориентированные механизмы, включая защиту прав человека, усилия по формированию гражданского общества, обмен информацией и трансграничное сотрудничество. Страна нередко предлагает помощь в разработке нормативно-законодательной базы для африканских государств, совершенствовании системы расследования торговли людьми и формировании межведомственных структур.

И здесь возникает противоречие, которое подтверждает концепцию гибридного неоколониализма. С одной стороны, усилия Германии действительно направлены на контроль границ, расследование преступлений, сбор данных и иные механизмы борьбы с наркотрафиком и торговлей людьми. С другой – сами институты, нормы и методики по большей части создаются при внешнем финансировании и экспертной поддержке. Такая помощь способствует борьбе с преступностью, но одновременно создает возможность для внешнего институционального влияния.

Установлено, что при решении комплекса рассмотренных проблем (миграция, незаконный оборот наркотиков и торговля людьми) Германия руководствовалась принципом экстернализации проблемы. Это позволяет не закрывать границы и соблюдать шенгенские договоренности, что делает африканские страны уязвимыми перед европейским влиянием. Немецкая, да и в целом европейская стороны рассматривают африканские государства как младших партнеров в борьбе с наркотрафиком и торговлей людьми.

Третий параграф «***Официальная помощь в целях развития как инструмент внешней политики германии в Африке южнее Сахары***» раскрывает один из основных механизмов, используемых Германией для переноса решения наиболее сложных вызовов и угроз за пределы европейских границ. Именно в рамках ОПР происходит создание сети проектов, соединяющих наиболее интересные для немецкой стороны темы, такие как экономика, климат, энергетика, содействие управлению, миграция и проч.

В параграфе представлен анализ ключевых нормативно-правовых документов, закрепляющих статус Германии как одного из наиболее активных акторов, оказывающих помощь странам Африки южнее Сахары. Большая часть положений этих документов носит идеалистический характер: они описывают, как немецкое государство содействует беднейшим африканским странам в развитии экономических и гуманитарных систем. Однако сопоставительный анализ с реальной практикой показал, что при реализации заявленных стратегий возникают условности и препятствия, которые не позволяют странам Африки совершить аналогичное немецкому «экономическое чудо». Установлено, что в рамках своего экономического развития Германия поддерживает те отрасли, которые представляют интерес непосредственно для неё и европейской системы координат.

Значительное место в исследовании занимает анализ процесса отбора получателей помощи немецкой стороной. Изучение источников Федерального министерства экономического сотрудничества и развития за пять лет позволило определить приоритетные страны для оказания помощи со стороны Германии. Сформированная иерархия отражает набор интересов и фильтров, с помощью которых ФРГ отбирает реципиентов. Главным критерием оказалось не бедственное положение стран-получателей помощи, а готовность государства к проведению реформ в обмен на увеличение объемов финансирования проектов. Таким образом, Германия поощряет именно те страны, которые соглашаются изменить систему управления с акцентом на соблюдение демократических устоев, прав человека, борьбу с коррупцией и иные западноцентричные элементы управленческой модели.

Также доказано, что за логикой развития и интенсификации помощи скрывается стремление Германии углубить вмешательство во внутриполитические вопросы африканских стран и сферу безопасности. В 2023 г. это нашло отражение и на доктринальном уровне. Для раскрытия характера немецкой помощи в целях развития автор исследовал деятельность конкретных институтов, занимающихся этим вопросом в Африке южнее Сахары: Федерального министерства развития, Германского агентства по техническому сотрудничеству, Германского общества по международному сотрудничеству и др. В результате разработана институциональная схема структуры немецкой официальной помощи в целях развития, характеризующаяся многоуровневой и многофункциональной системой межинституционального взаимодействия.

Если говорить о характере помощи, то наблюдается преимущественно патерналистский подход к ее предоставлению: управление осуществляется сверху вниз, что не дает африканским странам никакой самостоятельности в принятии решений. Реальные нужды игнорируются в пользу сфер, представляющих интерес для Германии (добыча полезных ископаемых, «зеленая экономика» и др.).

Одной из главных проблем, наблюдаемых в рамках исследования помощи в целях развития, является оценка ее эффективности. В диссертации предложен авторский метод оценки эффективности немецкой помощи странам Африки южнее Сахары, состоящий из нескольких этапов и включающий в себя как качественный, так и количественный анализ. На первом этапе выделены критерии, по которым оценивается немецкая помощь, на втором – производится шкалирование в диапазоне от -1 до 1, где -1 – абсолютно неэффективная политика по критерию, 0 – частично эффективная политика и 1 – абсолютная эффективность. Оценка действий Германии по каждому из критериев и нахождение среднего арифметического показателя помогли определить уровень эффективности немецкой помощи странам Африки южнее Сахары.

В результате среднеарифметический показатель оказался равным 0. Это соответствует фактическим действиям Германии в отношении стран Африки южнее Сахары, а также согласуется с теоретической базой исследования. Основная проблема немецкой помощи в целях развития – это ее западноцентричность: африканские страны рассматриваются исключительно как страны-реципиенты, которым постоянно на регулярной основе необходимы

дотации. О необходимости превратить эти государства в самостоятельных игроков и субъектов мировой политики говорится только на бумаге.

Пятый параграф «***Политика Германии в Африке южнее Сахары в период COVID-19***» посвящен исследованию одной из угроз глобального характера. Для изучения специфики помощи Германии странам Африки южнее Сахары в связи с COVID-19 автор предложил рассмотреть финансовую и гуманитарную составляющие. С началом пандемии стали очевидны структурные недостатки африканских систем здравоохранения: дефицит врачей, технических средств обнаружения вируса и нехватка больниц.

Здесь проявился структурный перекос между формальным и фактическим суверенитетом африканских стран. В частности, африканское государство могло самостоятельно определять эпидемиологическую политику, закупать вакцины, организовывать систему вакцинации и вводить карантин. Однако оно не обладало технологиями, производственными мощностями, патентами и международными цепочками поставок вакцин, чтобы обеспечить безопасность своего населения. Таким образом, формальный суверенитет не означает технологической суверенности.

Помощь Германии, заявившей о готовности содействовать нивелированию этих проблем, приобрела донорский характер и осуществлялась не напрямую, а через институты, организованные прежде всего ЕС. Африканские страны по большей части ждали поступления вакцин в европейские государства, которые первыми заключили соглашения о закупках с поставщиками; лишь затем излишки в ограниченном количестве попадали в Африку в рамках донорской помощи.

Такую политику Германии можно назвать «вакцинным национализмом». Существуют доказательства того, что она, как и ряд других европейских стран с высоким уровнем дохода, обеспечила себя значительными запасами вакцин благодаря предварительным соглашениям о закупках с фармацевтическими производителями.

Более того, установлено, что немецкая сторона использовала пандемию как ограничительный фактор для решения других системных вызовов и угроз. В частности, лишь четыре одобренные вакцины давали право пересечения европейских границ. Таким образом, произошло фактическое разделение людей на классы: тех, кто имеет доступ к одобренным вакцинам, и тех, кто его не имеет. Это выгодно ЕС, так как служит искусственным ограничителем миграционного потока в страны Союза.

Пятая глава «**Научно-аналитическая, культурная, образовательная составляющие политики Германии в Африке южнее Сахары**» посвящена исследованию гуманитарной составляющей немецкой политики в Африке. Помимо культурной, научной и образовательной сфер, традиционно становящихся предметом межгосударственных исследований, автор включил в данный раздел политическую аналитику, которая важна для немецкого истеблишмента и оказывает непрямое влияние на процесс принятия внешнеполитических решений в стране.

Первый параграф пятой главы «***Роль аналитических центров Германии в реализации внешнеполитической стратегии в Африке южнее Сахары***» посвящен важной для немецкого политического курса составляющей –

аналитическим рекомендациям. Ввиду сложности процесса принятия решений немецкие политические институты, такие как канцлер Германии, бундестаг, бундесвер и отдельные политические партии, обращаются за анализом, систематизацией данных о регионах и расстановке сил в них, а также за прогнозами. Анализ немецкой литературы по данному вопросу показал, что исследователи высоко оценивают значение аналитических центров.

Для оценки материалов, предоставляемых центрами Германии, автор выделил несколько аналитических структур, занимающихся проблемами Африки южнее Сахары, и дал оценку степени их влияния на решения, принимаемые в рамках реализации внешней политики страны в регионе. В данном параграфе не ставилась цель проанализировать все материалы аналитических центров Германии по африканской повестке дня ввиду слишком большого объема статей, аналитики и комментариев. Однако публикации наиболее видных экспертов ведущих аналитических центров, работающих на африканском направлении, помогут оценить рекомендации и сопоставить их с реальными решениями, принимаемыми на высшем уровне.

Анализ рекомендаций немецких аналитических центров показал, что специфика африканской повестки дня в их материалах зависит от географической и проблемной областей, которыми занимается та или иная структура. В ходе анализа также было выявлено несколько совпадающих линий, которых политическим элитам предлагается придерживаться для достижения максимального эффекта от внешней политики в Африке.

Первая рекомендация заключается в том, что Германии следует определиться с географическим приоритетом. Она не обладает такими инвестиционными возможностями, как, например, Китай, а следовательно, надо сосредоточить свои усилия на каком-то субрегионе и после достижения определенных успехов продвигаться дальше. Судя по частотному анализу публикационной активности, большинство экспертов сходятся во мнении, что начать лучше с Сахеля. Это объясняется географической близостью и набором вызовов и угроз, способных осложнить внутреннюю политику Германии.

Подобно выделению субрегионального приоритета, центры предлагают сосредоточиться на финансировании борьбы с определенными угрозами, а не пытаться одновременно инвестировать во множество направлений. Особняком стоят две из них: миграция и климат, но по разным причинам. Миграция влияет на внутреннюю повестку дня страны, а климат является идейным приоритетом Германии, отраженным на законодательном уровне, в политической конъюнктуре и общественной жизни.

Наиболее значимая линия, прослеживающаяся в большинстве исследований, – необходимость учитывать общеевропейские потребности в регионе. И в случае с потерей французского влияния, и в контексте борьбы с угрозами, и в рамках «зеленой повестки»: все это сопровождается рекомендацией помнить о общеевропейском доме и необходимостью соблюдать интересы ЕС.

Во втором параграфе «***Институты и инструменты культурного сотрудничества Германии со странами Африки южнее Сахары***» выявлены характер и особенности культурной политики немецкого государства в рассматриваемом регионе. Данный компонент является одним из ключевых для раскрытия концепции гибридного колониализма. Это связано с тем, что

европейские страны больше не контролируют территории, ресурсы и не принимают за африканские страны политические решения напрямую. Однако они могут воздействовать на производство знаний, культурные связи, престиж, интерпретацию прошлого и представления о будущем.

Историко-хронологический принцип, на котором построено исследование диссертационной темы, помог проследить эволюцию культурной политики Германии от «цивилизаторской миссии», предложенной О. фон Бисмарком в 1884 г. на Берлинской конференции, до современного состояния немецкого культурного влияния на страны Африки южнее Сахары. Если в колониальный и постколониальный периоды метрополия видела себя представителем «высшей» культуры и предлагала местному населению усваивать ее, то основным механизмом современного этапа стало создание культурной инфраструктуры с приоритетным присутствием немецких культурных ценностей. Это говорит о гибридности условий реализации внешнеполитического курса Германии.

Отличительной чертой немецкого культурного продвижения является межведомственное сотрудничество культурных и экономических институтов. При этом основную финансовую нагрузку несет Федеральное министерство экономического сотрудничества и развития, тогда как за культурную и практическую составляющую реализации отвечают такие институты, как центры культурного развития, Немецкое общество по международному сотрудничеству и Фонд художественного сотруднического между Германией и африканскими странами.

Установлено, что основной формой продвижения культурных ценностей Германии стал проектно-ориентированный механизм. С его помощью немецкие институты могут точечно выбирать страны и отдельные предложения африканских учреждений, которые стремятся к сближению ради получения финансирования своих проектов. Кроме того, при возникновении сложностей любого участника из проекта можно исключить.

Авторская периодизация формирования культурного влияния охватывает два периода: с 1992 г. по 2012 г. и с 2012 г. до настоящего времени. Это обусловлено тем, что на начальном этапе немецкие институты выстраивали принципы культурного влияния на африканские страны, а после разработки базовых документов стали активно внедрять в культурную жизнь ценностно-ориентированные категории, на реализацию которых стало выделяться финансирование.

Установлено, что Германия уделила больше внимания информированию африканских стран о собственных культурных ценностях, а также создала базу в форме культурно-гуманитарных проектов для привлечения талантливой африканской молодежи. Такая стратегия укладывается в описанные теоретические рамки и доказывает жизнеспособность гибридного неоколониализма в Африке южнее Сахары.

Третий параграф «***Научное и образовательное измерение германской политики в Африке южнее Сахары на современном этапе***», как и культурная составляющая, играет важную роль для раскрытия сущности пятой главы. Рассматривать современную научную и образовательную политику Германии стоит также с колониальной эпохи, чтобы понять принцип, по которому

действовали немцы в процессе образовательных инициатив для местного африканского населения.

Сравнительный анализ британской, французской и немецкой образовательных моделей колониального периода показал, что британская была более адаптационной, французская – ассимиляционной, а немецкая – доминантной. А в качестве общей черты можно выделить потребительский характер каждой из них. Германия старалась распространить свой язык для «ментального контроля» за настроениями в колониях. Фактически африканцам предлагалось отказаться от собственного языка и культуры и принять специфику немецкого взгляда на ценности.

Современное состояние научной и образовательной политики Германии в Африке южнее Сахары автор предлагает рассматривать через две составляющие: проекты двустороннего характера и инициативы, реализуемые на многосторонней основе. Первые чаще всего охватывают приоритетные для Германии страны с наиболее тесным сотрудничеством, вторые направлены на реализацию немецких устремлений в образовательной и научной сферах. Страновыми приоритетами Германии являются ЮАР, Кения, Гана, Нигерия, Танзания, Намибия и Сенегал.

Установлено, что образовательные проекты Германии для стран Африки южнее Сахары концентрируются вокруг сети посредников, включая университеты, программы мобильности, культурно-образовательные центры Гёте-института. До 2020 г. они были направлены в основном на открытие филиалов в африканских странах, привлечение талантливой молодежи в немецкие вузы и распространение собственных образовательных стандартов. Однако пандемия COVID-19 изменила ситуацию, заставив большинство программ перейти на дистанционный формат.

Германия ставит себе в заслугу тот факт, что в Африке южнее Сахары за счет ее вложений и усилий увеличилось число людей, способных обучаться в дистанционном формате. Однако анализ статистических данных ЮНЕСКО показал, что на 2025 г. более чем у 80 % учащихся в регионе нет доступа к компьютеру и интернету, а следовательно, и к возможности дистанционного обучения по немецким программам. Таким образом, можно говорить, что активизированный Германией процесс цифровизации стран Африки южнее Сахары в период пандемии не исправил ситуацию с отсутствием доступа к образовательным услугам.

Таким образом, здесь снова можно усмотреть гибридность неоколониального подхода немецкого государства к африканским странам. Она определяется не желанием распространить немецкий язык, не приглашением талантливой молодежи в немецкие вузы и даже не финансированием тех проектов, которые интересны самой Германии. Она заключается в асимметрии способности определять культурную, научную и образовательную повестку дня, производить легитимные знания и распространять их среди населения. А декларируемые усилия Германии не дают своих результатов, потому что система измерения целесообразности их введения определяется европейскими, а не африканскими потребностями.

В **заключении** сформулированы основные результаты и выводы исследования, соответствующие поставленным задачам, а также намечены

перспективные направления дальнейшего изучения внешней политики Германии в Африке южнее Сахары.

Анализ колониального периода истории Германии показал, что ее вступление в борьбу за колонии было продиктовано не столько желанием получить экономическую выгоду, сколько геополитической конкуренцией с европейскими державами. Поведенческая модель государства характеризовалась применением инструментов прямого насилия и жесткого административного контроля, что часто приводило к трагическим для африканцев последствиям и геноциду народов. Опровергнут тезис о том, что колониальная проблематика занимала в германской внешней политики исключительно периферийное место после утраты африканских колоний в результате Первой мировой войны. Немецкий колониальный опыт, основанный на слабой интеграции африканского населения в управленческие структуры, репрессивных практиках и массовом насилии, не исчез из политического сознания и внешнеполитического инструментария Германии. Он, напротив, сформировал двойственную логику германской политики: с одной стороны, необходимость демонстрировать признание исторической ответственности перед африканскими обществами, с другой – возможность использовать гуманитарную и мемориальную повестку для легитимации и продвижения собственных интересов в Африке южнее Сахары. Более того, была выявлена преемственность: отработанные в Африке методы расовой дискриминации и практики управления нашли отражение в политике Третьего Рейха на восточном направлении. Это свидетельствует об использовании Германией колониальных методов и прямого влияния сначала в отношении своих колоний, а затем – при провоцировании дискуссий об их возвращении.

В период холодной войны в условиях биполярной системы международных отношений политика ФРГ и ГДР следовала стратегиям блоковых лидеров – США и СССР соответственно. При этом ГДР стремилась к международному признанию через прямые действия (идеологическая солидарность, поддержка антиколониальных движений), тогда как ФРГ использовала инструменты косвенного влияния, опираясь на экономические рычаги сдерживания коммунистических движений. Африку южнее Сахары нельзя в полной мере назвать ареной политического противоборства двух Германий, но можно рассматривать как плацдарм идеологической борьбы за идентичность.

Ключевым результатом исследования стала разработка авторской концепции гибридного неоколониализма. Она представляет собой синтез прямого и косвенного влияния, используемых Германией при планировании и реализации внешнеполитического курса в Африке южнее Сахары. Прямое влияние прослеживается на нескольких уровнях. Первый уровень – исторический. На примере признания геноцида гереро и нама доказано, что Германия избегает прямой юридической ответственности и выплаты репараций пострадавшим этническим группам, предпочитая межгосударственный формат диалога с Намибией. Это позволяет Берлину контролировать информационную повестку и минимизировать финансовые издержки, что подтверждает теоретическое допущение о сохранении структурного неравенства. Также в рамках данного уровня доказан синтез прямого и косвенного влияния.

Второй уровень – институциональный. Анализ нормативно-правовой базы, особенно в период канцлерства А. Меркель, выявил четкую субрегиональную иерархию немецких интересов в регионе: Сахель, Африканский Рог, Гвинейский залив. Германия активно использует многосторонние форматы (через ЕС, АС и другие международные организации), продвигая принцип блоковой ответственности. Это позволяет ей не конкурировать с другими европейскими державами, как можно было наблюдать при реализации колониальной и неоколониалистской стратегий, а отождествлять свои интересы с общеевропейскими.

Третий уровень прямого влияния – военно-политический. Участие Бундесвера в миротворческих миссиях в Африке южнее Сахары служит инструментом легитимации растущей внешнеполитической идентичности Германии и нивелирования негативного исторического образа. При этом приоритет отдается операциям, способствующим контролю над миграционными потоками и борьбе с терроризмом. Это отвечает интересам безопасности ЕС, а не развитию африканских государств.

Анализ инструментов косвенного влияния и основных направлений немецкой политики в отношении Африки южнее Сахары подтвердил прагматичный и западноцентричный характер инициатив Германии. Именно данный тип влияния позволяет раскрыть отраслевые формы взаимодействия Германии со странами Африки южнее Сахары, а также экстернализацию вызовов и угроз, что отвечает задачам разрабатываемой теоретической базы гибридного неоколониализма.

Во-первых, количественная оценка эффективности немецкой помощи в целях развития Африки южнее Сахары показала, что Германия навязывает развивающимся странам собственную повестку, не соответствующую их реальным потребностям. Основной приоритет среди новых отраслевых форм сотрудничества в рамках помощи в целях развития отдается проектам в сфере «зеленой энергетики» и цифровизации Африки южнее Сахары. Это создает рынки сбыта для немецких технологий, но фактически игнорирует проблемы голода, нехватки водных ресурсов и других факторов.

Во-вторых, многолетняя борьба с вызовами и угрозами внутри общеевропейского пространства показала Германии ее неэффективность. Поэтому в рамках политики гибридного неоколониализма акцент смещен на управление рисками за пределами европейских границ. Такая экстернализация вызовов и угроз (терроризм, миграционный кризис, наркоторговля и торговля людьми) помогает Германии не только усилить контроль за собственными границами, но и в обмен на финансовую помощь делегировать африканским странам основную работу по аутсорсингу безопасности. Кратковременная выгода от немецких финансовых вложений не покрывает расходы, которые несут африканские страны вследствие углубления собственных проблем: перенаселения лагерей беженцев, роста преступности и проч. Это подтверждается тем фактом, что усилия направлены скорее на борьбу с последствиями угроз, нежели на их предотвращение и достижение позитивного исхода для европейских и африканских стран.

В-третьих, в контексте новых методов оказания помощи африканским странам стал поиск ответа на новый вызов – пандемию COVID-19. Здесь

Германия продемонстрировала дуалистический подход: с одной стороны, по всем документам и официальным заявлениям показала готовность помогать развивающимся странам ввиду их уязвимости перед глобальным кризисом здравоохранения, с другой – продемонстрировала пример «вакцинного национализма» и приоритет защиты прежде всего европейского населения.

В-четвертых, косвенное влияние осуществляется посредством гуманитарных проектов Германии в Африке южнее Сахары. Немецкое правительство и неправительственные организации позиционируют себя как акторы, расширяющие доступ африканцев к образованию, в том числе в период пандемии COVID-19. Это перекликается с идеей Отто фон Бисмарка, видевшего в немецких инициативах цивилизаторскую миссию в разгар колониального раздела Африки. При этом масштабных проектов по созданию образовательной среды в странах Африки южнее Сахары нет. Преимущественно создаются условия для отбора талантливых людей, что провоцирует утечку мозгов и формирование лояльных политических и экономических элит. В этом направлении Германия работает точечно, не ориентируясь на массовые потоки студентов в свои университеты из-за высоких финансовых затрат.

Последним, но от этого не менее значимым, проявлением разработанной автором концепции гибридного неоколониализма является смещение инициативных акцентов с государственных акторов в сторону негосударственных, в том числе посредством отождествления своих интересов с интересами группы. Можно считать доказанным, что Германия активно привлекает аналитические центры для формирования своей внешней политики в отношении Африки южнее Сахары. Именно они разрабатывают инициативы по различным политическим направлениям и вопросам безопасности, которые в дальнейшем внедряются в немецкую стратегию. Кроме того, для Германии актуальным является навязывание собственных представлений о построении интеграционных систем в регионе.

Среди наиболее перспективных направлений дальнейшего исследования политики Германии в Африке южнее Сахары, во-первых, можно выделить применение не регионального, а странового подхода к изучению отдельных немецких инициатив. Это позволит составить четкую иерархию приоритетов не в рамках изученных в исследовании регионов Сахеля, Гвинейского Залива и Африканского Рога, а в целом в условиях изучения стран континента.

Во-вторых, в более тщательном исследовании нуждаются отдельные культурные, гуманитарные и образовательные проекты Германии, нацеленные на преодоление последствий пандемии COVID-19. Немецкая сторона анонсировала, но пока не реализовала долгосрочные инициативы, которые будут иметь важное значение для отношений европейских и африканских стран.

В-третьих, перспективным направлением является изучение репликации новых тенденций внутренней политики Германии во внешнеполитическом курсе, в том числе в Африке южнее Сахары. Это касается как инициатив по наращиванию милитаризации Германии, так и политики «смены эпох» (*нем*. Zeitwende).

III. ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

Статьи, опубликованные в изданиях, индексируемых в международных базах Scopus, WoS:

1. Ивкина Н.В. Влияние COVID-19 на европейскую интеграцию в контексте теории режимов // Полис. Политические исследования. 2025. №4. С. 51-60. (0,6 п.л.).
2. Ивкина Н. В. Проблема формирования внешнеполитической идентичности ГДР в контексте инициатив в Африке в 1960-1980-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 4. С. 534-544 (0,6 п.л.).
3. Ивкина Н.В., Лошкарев И.Д. Проблема формирования оборонной идентичности ЕС: опыт миротворчества в Африке // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2023. №5. С. 81-91. (0,6 п.л./0,3 п.л.).
4. Чикризова О.С., Ивкина Н.В. Проблема существования «шиитского полумесяца» на Ближнем и Среднем Востоке: опыт количественного анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Международные отношения. М. 2023. Т. 23. №1. С. 88-104. (1 п.л./0,5 п.л.).
5. Ивкина Н.В., Чикризова О.С. «Шиитский фактор» в общественно-политической жизни Нигерии (1994-2020): внутреннее и международное измерения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2022. Т. 14. № 3. С. 524-540. (1 п.л./0,5 п.л.)
6. Ивкина Н.В. Политика Германии в отношении Намибии: попытки преодоления колониализма // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2021. № 3. С. 181-192. (0,7 п.л.).
7. Ивкина Н.В. Позиция Германии по греко-турецкому спору: Интерговернментализм vs. Неофункционализм // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 487-497. (0,6 п.л.).
8. Ивкина Н.В. Особенности участия ФРГ в миротворческих операциях в Африке на современном этапе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 4. С. 687-697. (0,6 п.л.).
9. Кассае Ныгусие В.М., Ивкина Н.В. Особенности политического развития Африки в постоколониальный период // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 1. С. 22-38. (1 п.л./0,4 п.л.).

Статьи, опубликованные в изданиях, индексируемых в базе Russian Citation Index (RSCI):

1. Ивкина Н.В. Отношения ЕС со странами Африки (на примере региональных стратегий в зонах Сахеля и Гвинейского залива) // Азия и Африка сегодня. 2021. № 2. С. 24-29. (0,3 п.л.)
2. Вершинин А.А., Ивкина Н.В. Проблема миграционного кризиса в Европе глазами германских «Think Tanks» // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2021. № 3. С. 118-134. (1 п.л./0,5 п.л.).

3. Ивкина Н.В. Культурно-гуманитарные отношения Германии и Намибии: опыт преодоления колониализма // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2022. Т. 9. № 1 (33). С. 171-181. (0,6 п.л.).
4. Ивкина Н. В., Н.В.М. Кассае. Основные этапы становления и развития концепции панафриканизма: история и современность // Азия и Африка сегодня. 2022. № 10. С. 34-40. (0,4 п.л./0,3 п.л.).
5. Ивкина Н. В. Международная помощь Африке в борьбе с COVID-19: опыт ЕС // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 90. С. 96-103. (0,4 п.л.).
6. Ивкина Н. В. Инициативы Германии в странах Сахеля в контексте событий в Нигере // Азия и Африка сегодня. 2024. № 9. С. 55-62. (0,4 п.л.).

Статьи в изданиях, входящих в перечень ВАК (К1-К2):

1. Ивкина Н. В., Кучеров М. Ю., Бзегежев А. З., Торхов А. Д. Россия в концептуальных документах ФРГ и речах канцлера А. Меркель: опыт количественного анализа // Россия XXI. 2022. № 6. С. 6-19. (0,8 п.л./0,25 п.л.).
2. Ивкина Н. В., Морару Н.Ф. Особенности новой миграционной политики Германии в контексте теории многоуровневого управления // Международные отношения. 2024. № 4. С. 90-104 (0,9 п.л./0,7 п.л).
3. Ивкина Н.В., Судоргин А.Е. Место Африки во внешней политике Европейского союза: старое новое начало // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2026. №1. С. 15-30. (1 п.л./0,6 п.л.).
4. Ивкина Н.В., Судоргин А.Е. Особенности формирования внешнеполитической стратегии ЕС в отношении Африки южнее Сахары // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2026. №2. С. 211-223. (0,7 п.л./0,5 п.л.).
5. Ивкина Н.В. Особенности взаимодействия Германии с международными межправительственными организациями в Африке (на примере Африканского Союза // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2026. № 4. С. 93-104. (0,7 п.л.).

Монографии:

1. Ивкина Н.В. Европейская безопасность: исследования аналитических центров Германии. М.: Аспект-Пресс, 2020. 160 с. (10 п.л.).

Публикации в других научных изданиях:

1. Ивкина Н.В. Политика ведущих государств Незапада на Африканском континенте / И. Д. Лошкарев, И. С. Копытцев, А. О. Белякова [и др.]. М.: Аспект пресс, 2025. 279 с. (16 п.л./1,7 п.л.).
2. Loshkariov I., Ivkina N. The Oromo Revolution: How Have Interethnic Relations Changed in Ethiopia? Springer International Publishing. Africa and the Formation of the New System of International Relations. 2023. Vol. II. P. 341-363.

Ивкина Наталья Викторовна
(Российская Федерация)

Внешняя политика Германии в Африке южнее Сахары в конце XX в. – начале XXI в.

Диссертационное исследования посвящено выявлению особенностей внешней политики Германии в Африке южнее Сахары в конце XX в. – начале XXI в. Проведены параллели между историческими событиями, связанными с колониальным вопросом Германии в Африке южнее Сахары, и актуальными действиями страны в отношении этих стран. Доказано, что колониальные методы полностью не исчезли из повестки дня, а были трансформированы. Предложены две авторские периодизации, посвященные выделению этапов развития колониального вопроса Германии после потери колоний в результате Перовой мировой войны, а также этапов развития внешнеполитического курса после объединения включения ГДР в состав ФРГ в 1990 г. Разработана концепция гибридного неоколониализма, которая призвана объяснить современные методы политики европейской страны в отношении Африки южнее Сахары. Разработан и введен в научный оборот количественный метод оценки эффективности немецкой помощи странам Африки южнее Сахары.

Ivkina Natalia Viktorovna
(Russian Federation)

Germany’s foreign policy in Sub-Saharan Africa in the 20-th – 21-st centuries

The dissertation examines the distinctive features of Germany’s foreign policy in Sub-Saharan Africa in the late twentieth and early twenty-first centuries. It draws parallels between historical developments related to Germany’s colonial question in Sub-Saharan Africa and the country’s contemporary policies towards the states of the region. The study demonstrates that colonial methods have not entirely disappeared from the political agenda but have instead undergone significant transformation.

The dissertation proposes two original periodisations. The first identifies the principal stages in the evolution of Germany’s colonial question following the loss of its colonies as a result of the First World War. The second distinguishes the stages in the development of Germany’s foreign policy following German reunification and the incorporation of the German Democratic Republic (GDR) into the Federal Republic of Germany (FRG) in 1990.

The study formulates of the concept of hybrid neocolonialism, which is intended to explain contemporary methods employed by a European state in its policy towards Sub-Saharan Africa. In addition, a quantitative method for assessing the effectiveness of German development assistance to Sub-Saharan African countries has been developed and introduced into scholarly discourse.